

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Океан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148207

Аннотация

«На океан ложатся мгlistые февральские сумерки. Недавно был снег, но растаял, и теплый воздух тяжел и влажен; в глубину материка неслышными толчками гонит его морской юго-западный ветер и на смену приносит свой – душисто-острое сочетание морской соли, безграничной дали, ничем не нарушаемого, свободного и таинственного простора. В той стороне, где должно садиться солнце, происходит бесшумное разрушение неведомого города, неведомой страны: в огне и дыме рушатся здания, пышные дворцы с башнями; целые горы распадаются бесшумно и клонятся медленно, падают долго. Но ни крика, ни стопа, ни грохота падения не доносится на землю – чудовищная игра теней совершается бесшумно; и безгласно приемлет ее, отражая слабо, к чему-то готовый, чего-то ждущий великий простор океана...»

Содержание

Картина 1	5
Картина 2	23
Картина 3	51
Картина 4	79
Картина 5	85
Картина 6	92
Картина 7	118

Леонид Андреев

Океан

Действие происходит в 1782 году.

Картина 1

На океан ложатся мгlistые февральские сумерки. Недавно был снег, но растаял, и теплый воздух тяжел и влажен; в глубину материка неслышными толчками гонит его морской юго-западный ветер и на смену приносит свой – душисто-острое сочетание морской соли, безграничной дали, ничем не нарушаемого, свободного и таинственного простора. В той стороне, где должно садиться солнце, происходит бесшумное разрушение неведомого города, неведомой страны: в огне и дыме рушатся здания, пышные дворцы с башнями; целые горы распадаются бесшумно и клонятся медленно, падают долго. Но ни крика, ни стона, ни грохота падения не доносится на землю – чудовищная игра теней совершается бесшумно; и безгласно приемлет ее, отражая слабо, к чему-то готовый, чего-то ждущий великий простор океана.

Тишина и в рыбацком поселке. Рыбаки ушли на ловлю, дети спят и только беспокойные женщины, собравшись у домов, разговаривают тихо, медлят отойти ко сну, за которым всегда стоит неизвестность. Свет моря и неба позади домов, и дома и темные крыши их черны и остры, и нет перспекти-

вы: и дальние и близкие стоят рядом, как бы входят один в другой, обнимаются крышами и стенами, жмутся друг к другу, охваченные тем же беспокойством вечной неизвестности. Тут же и маленькая церковь, боковая стена ее, сложенная грубо из гранитных необтесанных камней, с глубоким затаившимся окном.

Осторожный звук женских голосов, смягченных беспокойством и наступающей ночью.

– Сегодня можно спать спокойно. Море тихо, и прибой бьет как часы на колокольне у старого Дана.

– Они придут с утренним приливом. Муж сказал, что они придут с утренним приливом.

– А может быть с вечерним: лучше думать так, чтобы не ждать напрасно.

– Но печь надо топить.

– Когда мужчин нет в доме, то не хочется зажигать и огня. Я никогда не зажигаю огня, даже когда не сплю, мне кажется, что огонь приносит бурю. Лучше притаться и молчать.

– И слушать ветер? Нет, это страшно.

– А я люблю огонь. Я и спать хотела бы при огне, но муж не позволяет.

– Почему не идет старый Дан? Уже пора вызванивать часы.

– Сегодня Дан будет играть в церкви: он не терпит

тишины, как сегодня. Когда море ревет, Дан прячется и молчит – он боится моря. Но стоит волнам умолкнуть, Дан тихонько выползает и садится за свой орган.

Женщины тихо смеются.

– Он упрекает море.

– Жалуется на него Богу. Он очень хорошо жалуется: хочется плакать, когда он рассказывает Богу о погибших в море. Мариетт, ты видела сегодня Дана? Отчего ты молчишь, Мариетт?

Мариетт, приемная дочь аббата, в доме которого живет и старый Дан, органист. Задумавшись глубоко, Мариетт не слышит вопроса.

– Мариетт, ты слышишь? Анна спрашивает тебя, видела ты сегодня Дана?

– Да, кажется. Не помню. Он в своей комнате. Он не любит уходить из комнаты, когда отец уезжает на рыбную ловлю.

– Дан любит городских священников. Он никак не может привыкнуть к тому, что священник ловит рыбу, как простой рыбак и уходит в море с нашими мужьями.

– Он просто боится моря.

– Как хотите, но, по моему мнению, у нас – самый лучший в мире священник.

– Это правда. Я его боюсь, но люблю, как отца.

– Прости меня Бог, но я гордилась бы и радовалась постоянно, если бы была его приемной дочерью.

Слышишь, Мариетт?

Женщины тихо и ласково смеются.

– Ты слышишь, Мариетт?

Мариетт отвечает:

– Слышу. Но разве вам не надоело смеяться все над одним и тем же? Да, я его родная дочь – неужели это так смешно, что вы будете смеяться всю жизнь!

Женщины смущенно оправдываются.

– Но он сам смеется над этим.

– Аббат любит пошутить. Он так смешно говорит: моя приемная дочь, а потом бьет кулаком и кричит: родная, а не приемная. Пусть хоть лопнет папа от злости; а она моя родная дочь.

Мариетт. Я никогда не знала моей матери, но ей было бы неприятен этот смех. Я чувствую это.

Женщины замолкают. Равномерно и глухо с правильностью большого маятника, ударяющего о берега, бухает прибой. Все еще падает на небе неведомый город, объятый огнем и дымом, и все не может упасть; и ожидает море. Мариетт поднимает опущенную голову.

– Ты что хочешь сказать, Мариетт?

– А тот не проходил? – спрашивает Мариетт тихо.

Женщина пугливо говорит.

– Тише! Зачем вы говорите о нем, я его боюсь.

– Нет, не проходил.

– Прошел. Я видела из окна, как он проходил.

– Ты ошиблась, это был кто-нибудь другой.

– Кому здесь быть другому? И разве можно ошибиться, если хоть раз увидишь, как он шагает. Других таких шагов нет ни у кого.

– Так ходят морские офицеры, англичане.

– Нет, разве я не видала в городе морских офицеров? Они ступают твердо, но открыто, им может поверить и девушка.

– Ой, смотри!

Боязливый и осторожный смех.

– Нет, не смейтесь. Он идет и не смотрит под ноги, он ставит ногу так, будто сама земля должна бережно принять ее и поставить. А если камень? – у нас много камней.

– При ветре он не сгибается и не прячет головы.

– Ну, да. Ну, да. Он не прячет головы.

– Правда ли, что он красив? Кто видел его близко?

Мариетт. Я.

– Нет, нет, не говорите о нем, я всю ночь не усну. С тех пор, как они поселились на горе, в проклятом замке, я не знаю покоя, я умираю от страха. Да и вы также, сознайтесь.

– Ну, не все.

– Зачем они пришли сюда? Их двое – что им делать в нашей бедной стране, где только камни да море?

– Они пьют джин. Матрос каждое утро приходит за джином.

– Это просто пьяницы, которые не хотят, чтобы им мешали пить. Когда матрос проходит по улице, за ним остается такой запах, как будто пронесли открытую бутылку с ромом.

– Но разве это дело – пить джин? Я их боюсь. Где тот корабль, который привез их? Они явились с моря.

Мариетт. Я видела корабль.

Женщины изумленно расспрашивают ее.

– Ты? Отчего же ты ничего не говорила нам? Расскажи, что ты знаешь.

Мариетт молчит. Вдруг одна из женщин испуганно вскрикивает:

– Ай, смотрите! У них зажегся огонь. В замке огонь!

Налево, в полумиле от поселка, вспыхнул слабый огонь, красный уголек в синеве сумерек и дали. Там на высокой скале обрывающейся к морю, стоит древний замок, жуткое наследие седой и таинственной старины. Давно разрушенный, давно мертвый, он сливается со скалою, продолжает и обманчиво заканчивает ее зубчато-ломанной линией своих бойниц, провалившихся крыш, полуосыпавшихся башен. Сейчас и скалы, и замок одеты дымчатой пеленой сумерек и дали, воздушны, лишены тяжести и почти также призрачны, как те чудовищные

громады зданий, что громоздятся и распадаются бесшумно в высоком небе. Но те падают, а этот стоит, и в сплошной синеве его загорелся живой огонь – на него так же странно и жутко смотреть, как если бы в облаках зажгла огонь человеческая рука.

Повернув головы, испуганно смотрят женщины.

– Вы видите? – говорит одна. – Это еще хуже, чем огонь на кладбище. Кому нужен свет среди гробов?

Мариетт. Становится холодно к ночи, и матрос бросил сучьев в камин, вот и все. По крайней мере, я так думаю.

– А я так думаю, что аббат давно должен был пойти туда с кропилом.

– Или с жандармами! Если это не сам дьявол, то наверно один из помощников его.

– Нельзя спокойно жить с таким соседством.

– Страшно за детей.

– А за душу?

Две пожилые женщины поднимаются молча и уходят. Встает и третья, старуха:

– Нужно спросить у аббата: не грех ли еще и смотреть на такой огонь?

Уходит. Все больше дыму в небе, и все меньше огня, и уже близок к своему темному концу неведомый город; сильнее и крепче пахнет море.

С земли идет ночь.

Повернув головы, женщины смотрят вслед ушедшей; и снова поворачиваются к огню.

Мариетт, заступаясь за кого-то, говорит тихо:

– В огне не может быть плохого. Огонь в свечах, что перед Господом.

– Огонь и в аду перед Сатаной, – сердито шамкает вторая старуха и уходит.

Теперь осталось четверо и все молодые, все девушки.

– Я боюсь, – говорит одна, прижимаясь к подруге.

Кончается на небе бесшумный и холодный пожар, разрушен город, разрушена неведомая страна. Уже нет ни стен, ни падающих башен, – груда синевато-бледных исполинских тел безмолвно падает в бездну океана и ночи. Трепетными очами взглянула на землю молоденькая звёздочка; возле замка захотелось ей появиться из облаков и от невинного соседства темнее стал тяжелый замок, краснее и сумрачнее огонь в его окне.

– Прощай, Мариетт, – прощается девушка, та, что сидела одна и уходит.

– Пойдем и мы, становится холодно, – говорят те две и встают. – Прощай, Мариетт.

– Прощайте.

– Отчего ты одна, Мариетт? Отчего днем и ночью и

в будни, и в веселый праздник ты одна, Мариетт? Ты любишь думать о своем женихе?

– Да, люблю. Люблю думать о Филиппе.

Девушка смеется.

– А видеть его не хочешь? Когда он уходит в море, ты часами смотришь на море; возвращается он – и тебя нет. Куда ты прячешься?

– Я люблю думать о Филиппе.

– Как слепой бродит он среди домов и все зовет: Мариетт! Мариетт! Вы не видали Мариетт?

Уходят, смеясь и повторяя:

– Прощай, Мариетт... Вы не видали Мариетт?.. Мариетт...

Девушка одна. Смотрит на огонь в замке. Прислушивается к тихим и нерешительным шагам.

Из-за церкви справа выходит старый Дан, невысокий, сухой, кашляющий старик с бритым лицом. От нерешительности ли или оттого, что слаб глазами, идет он неуверенно, к земле прикасается осторожно и с некоторым страхом.

– Ого! Ого!

– Это ты, Дан?

– Я.

– Море тихо, Дан. Ты будешь сегодня играть?

– Ого! Семь раз я ударю в колокол. Семь раз я ударю и отошлю Богу семь Его святых часов.

Берет веревку от колокола и отбивает часы – семь звонких и долгих ударов. Ветер играет с ними: роняет на землю, но, не дав коснуться, подхватывает нежно, покачивает тихо и с легким присвистом уносит в глубину темнеющей земли.

– Ох, нет! – бормочет Дан. – Плохие часы, они падают на землю. Это не его Святые часы и Он отдает их назад. Ой, идет буря! Господи, сжался над погибающими в море.

Бормочет, кашляет.

– Дан, сегодня я опять видела корабль. Ты слышишь, Дан?

– Много кораблей уходит в море.

– Но этот на черных парусах. Он опять шел на солнце.

– Много кораблей уходит в море. Послушай, Мариетт: был один умный царь – ой, какой умный! – и он приказал высечь море цепями. Ого!

– Я знаю, Дан. Ты говорил.

– Ого, цепями! Но он не догадался окрестить океан – зачем он не догадался, Мариетт? Ах, зачем он не догадался. Теперь нет таких царей.

– Что же тогда было бы, Дан?

– Ого!

Шепчет тихо:

– Уже окрещены все реки и ручьи и даже многих

стоячих болот коснулся крест Господень, и только он остался – скверная соленая, глубокая лужа.

– Зачем ты его бранишь, он не любит этого, – упрекает Мариетт.

– Ого! Пусть не любит, я его не боюсь. Он думает, что он тоже орган и музыка Богу, это он – скверная, свистящая бешеная лужа! Соленый плевок Сатаны. Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Идет к входным дверям церкви, сердито крикая, грозясь и словно торжествуя какую-то победу:

– Ого! Ого!

– Дан!

– Иди домой.

– Дан! Отчего ты не зажигаешь огня, когда играешь? Дан, я не люблю моего жениха. Ты слышишь, Дан?

Дан неохотно поворачивает голову.

– Я уже давно слышу это, Мариетт. Скажи отцу.

– Где моя мать, Дан?

– Ого! Опять ты бесишься, Мариетт? Ты слишком много смотришь на море – да. Вот я скажу, скажу отцу, да.

Скрывается в церкви, откуда вскоре доносятся звуки органа; слабые в первых протяжных, тяжело задумчивых аккордах, они быстро крепнут. И страстной тоскою своих человеческих напевов уже

борются они с глухой и сумрачной тоской неутомимого приboя. Как чайки в бурю рыскают звуки между высоких валов и выше подняться не могут на крыльях отягченных; держит их вечный и грозный океан в плену своих диких и извечных чар. Но поднялись они – и уже глуше шумит опустившийся океан; еще выше – и уже бессильно колыхается внизу тяжелая, почти безгласная громада; звучат иные голоса в просторе светозарных далей. Одна тоска у дня, другая тоска у ночи – и вечным рабом вдруг кажется гордый, вечно мятущийся, черный океан.

Прижавшись щекою к холодному камню стены, слушает одинокая Мариетт и примиряется с чем – то, тоскуя все тише. Но вот звучат по дороге твердые и упорные шаги, скрежещет мелкий камень под крепкую стопю – и из-за церкви выходит он. Идет он медленно и строго, как те, кто не даром шатается по земле и знает оба ее конца: шляпу держит в руках, думает о чем-то, глядя перед собою. На широких плечах круглая, крепкая голова, с короткими волосами; темный профиль суров и повелительно-надменен; – и хотя одет человек в полувоенную одежду, но не подчиняет тело дисциплине одежды, а владеет ею как свободный. Складки ложатся покорно, не смеют иначе – согнет их, где надо, спокойно-сильное тело.

Приветствует его Мариетт:

– Добрый вечер.

Он, уже отошедший далеко, останавливается и медленно поворачивает голову. Выжидательно молчит, точно жалея расстаться с безмолвием.

– Это мне сказано: добрый вечер? – спрашивает наконец.

– Да, это вам. Добрый вечер.

Он молча смотрит.

– Ну, добрый вечер. Меня первый раз приветствуют в этой стране, и я удивился, услышав твой голос. Подойди ближе. Отчего ты не спишь, когда все спят? Ты кто?

– Я дочь здешнего аббата.

Он засмеялся:

– Разве у попов бывают дети? Или в вашей стране особенные попы?

– Да, особенные.

– Теперь я вспоминаю: Хорре что-то рассказывал мне про здешнего попа.

– Кто этот Хорре?

– Мой матрос. Ну, тот, что покупает у вас джин...

Он снова несколько неожиданно засмеялся и продолжал:

– Да, он рассказывал что-то. Это твой отец проклял папу и назвал свою церковь свободной?

– Да.

– И сам сочиняет молитвы? И сам с рыбаками ходит в море? И своими руками наказывает тех, кто его не слушается?

– Да. Я его дочь. Меня зовут Мариетт. А как зовут вас?

– У меня много имен. Какое же тебе назвать?

– То, которым вас крестили.

– А почему ты думаешь, что меня крестили?

– Тогда то, которым называла вас мать.

– А почему ты думаешь, что у меня была мать? Я не знаю своей матери.

Мариетт говорит тихо:

– Я также не знаю своей матери.

Оба молчат и дружелюбно рассматривают друг друга.

– Так вот как! – говорит он. – Ты тоже не знаешь матери. Ну, что же! зови меня тогда Хаггарт.

– Хаггарт?

– Да. Тебе нравится имя? Я его сам придумал: Хаггарт. Жаль, что тебя уже назвали, я бы придумал тебе хорошенькое имя.

Вдруг он хмурится:

– Скажи, Мариетт, отчего ваша страна так печальна? Я хожу по вашим тропинкам и только камешки скрежещут под ногою. А по сторонам стоят большие

камни.

– Это по дороге к замку, у нас туда никто не ходит. Правда, что эти камни останавливают прохожих вопросом: кто идет?

– Нет, они немые. Отчего твоя страна так печальна? Уже неделя, как я не вижу своей тени – это невозможно! – я не вижу своей тени.

– Нет, наша страна очень весела и радостна. Сейчас еще зима, а вот придет весна и с нею вернется солнце. Ты его увидишь, Хаггарт.

Он говорит с пренебрежением:

– И вы сидите и ждете спокойно пока оно придет? Хорошие же вы люди. Ах, если бы у меня был корабль!

– Что же тогда?

Он хмуро смотрит и недоверчиво качает головой.

– Ты слишком любопытна, девочка. Тебя кто-нибудь подослал?

– Нет. Зачем же вам нужен корабль?

Хаггарт добродушно и насмешливо смеется:

– Она спрашивает, зачем человеку корабль? Хорошие же вы люди: не знают, зачем человеку корабль, – и вдруг говорит серьезно: если бы у меня был корабль, я погнался бы за солнцем. И сколько бы не ставило оно своих золотых парусов, я нагнал бы его на моих черных. И заставил бы нарисовать на палубе

мою тень. И стал бы на нее ногою – вот так!

Твердо пристукнул он ногою. Мариетт осторожно спрашивает:

– Вы сказали – на черных парусах?

– Это я так сказал. Зачем ты все спрашиваешь? У меня нет корабля, ты знаешь. Прощай.

Надевает шляпу, но не уходит. Мариетт молчит, и он говорит совсем сердито:

– Тебе, может быть, нравится и это, что играет ваш старый Дан, старый глупец?

– Вы знаете, как его зовут?

– Мне Хорре сказал. А мне не нравится, нет, нет. Приведи сюда хорошую честную собаку, или зверя и он завоюет. Ты скажешь, он не знает музыки – нет, он знает, но он не выносит лжи. Вот музыка, слушай!

Берет Мариетт за руку и грубо поворачивает ее лицом к океану.

– Слышишь? Вот музыка. Твой Дан обворовал море и ветер – нет, он хуже чем вор – он обманщик! Его нужно бы повесить на рее, твоего Дана! Прощай.

Идет, но, сделав два шага, оборачивается.

– Прощай, я тебе сказал. Иди домой. Пусть этот дурак играет один. Ну – иди.

Мариетт молчит, не двигаясь. Хаггарт смеется:

– Ты не боишься ли, что я забыл твое имя? Нет, я запомнил, тебя зовут Мариетт. Иди, Мариетт.

Она говорит тихо:

– Я видела ваш корабль.

Хаггарт быстро подходит и наклоняется к ней; лицо его страшно.

– Это неправда. Когда?

– Вчера вечером.

– Это неправда! Куда он шел?

– На солнце.

– Вчера вечером я был пьян и спал. Но это неправда. Я ни разу не видел – ты испытываешь меня. Смотри!

– Мне сказать вам, если я еще раз увижу?

– Как же ты можешь сказать?

– Я приду к вам на гору.

Хаггарт внимательно смотрит на нее.

– Если только ты не лжешь. Какие люди в вашей стране, лживые или нет? В тех странах, какие я знаю, все люди лживые. Другие видели корабль?

– Не знаю. Я одна была на берегу. Теперь я вижу, что это не ваш корабль: вы ему не рады.

Хаггарт молчит, точно забыв о ее присутствии.

– У вас красивое платье. Вы молчите? Я к вам приду.

Хаггарт молчит. Суров и дико сумрачен темный профиль: и глухим молчанием, безмолвием долгих часов, быть может, дней, быть может, всей жизни

исполнено каждое движение его сильного тела, каждая складка одежды.

– Ваш матрос не убьет меня?

– Вы молчите?

– У меня есть жених, его зовут Филипп, но я его не люблю.

– Вы теперь как тот камень, который стоит по дороге к замку.

Хаггарт молча поворачивается и идет.

– Я тоже помню как вас зовут. Вас зовут Хаггарт.

Он уходит.

– Хаггарт! – зовет *Мариетт*, но уже скрылся он за домами и только скрежет рассыпающихся камешков замирает в туманном воздухе. Снова играет отдохавший Дан; рассказывает Богу о погибших в море.

Крепнет ночь. Уже не видно ни скалы, ни замка и только огонь в окне краснеет ярче.

Об иных жизнях повествует глухо бухающий, неустанный прибой.

Картина 2

Сильный ветер надувает обрывок паруса, которым завешено большое разверстое окно. Парус мал, не закрывает всего окна, и в зияющее отверстие дышит ненастьем темная ночь. Дождя нет, но теплый ветер, насыщенный морем, тяжел и влажен.

Тут, в башне, живут Хаггарт и матрос его Хорре. Оба они спят тяжелым хмельным сном; на столе и в углах пустые бутылки, остатки еды; единственный табурет опрокинут и лежит на боку. Перед вечером матрос вставал, зажег большую плошку, и еще что-то хотел сделать, но свежий хмель одолел его и он снова уснул на своей жиденькой подстилке из соломы и морских трав. Колеблемый ветром, свет плошки желтыми тревожными пятнами мечется по неровным исцербленным стенам и пропадает в черном отверстии двери, ведущей в другие помещения замка.

Хаггарт лежит на спине, и по его круглому и сильному лбу бегают бесшумно те же тревожные желтые блики, подбираются к сомкнутым глазам, к прямому, резко очерченному носу – и, заметавшись, убегают на стену. Дыхание спящего глубоко и неровно; минутами поднимется тяжелая, словно чужая, ру-

ка, сделает несколько неясных, незаконченных движений и бессильно упадет на грудь.

Под окном грохочет и ревет бурун, разбиваясь о скалы – уже вторые сутки на океане буря. Дряхлая башня вздрагивает от неистовых ударов волн и отвечает буре шорохом осыпающейся штукатурки, постукиванием мелких обрывающихся камешков, шепотом и вздохами заблудившегося в переходах ветра. Шепчет и бормочет, как старуха.

Матросу становится холодно на каменном полу, по которому ветер разливается, как вода; он ворочается, поджимает под себя ноги, втягивает голову в плечи, ищет рукой воображаемую одежду, но все не может проснуться, – тяжел и силен двухдневный хмель. Но вот взвизнул ветер сильные, что-то ухнуло – быть может, завалилась в море часть разрушенной стены, отчаянные заметались тревожные желтые пятна на кривой стене, – и Хорре проснулся.

Сел на подстилке, оглядывается, но ничего не понимает.

Ветер свистит, как разбойник, сзывающий других разбойников, и всю ночь заселяет тревожными призраками. Кажется, что море полно погибающих кораблей, людей, которые утопают, и отчаянно борются со смертью. Слышны голоса. Где-то тут

близко кричат, бранятся, хохочут и поют, как сумасшедшие, разговаривают деловито и быстро – вот-вот увидишь искаженное ужасом или смехом незнакомое человеческое лицо или судорожно скрюченные пальцы. Но хорошо пахнет морем и это, вместе с холодом, приводит Хорре в себя.

– Нони! – зовет он хрипло, но Хаггарт не слышит; и, подумав, зовет снова.

– Капитан! Нони! Вставай!

Но не отвечает Хаггарт, и матрос бормочет:

– Нони пьян и спит. Ну, и пусть спит. Ух, какая холодная ночь, в ней нет тепла даже настолько, чтобы согреть нос. Мне холодно! Мне холодно и скучно, Нони, я не могу так пить, хотя я пьяница и это всем известно. Но одно дело пить, другое дело утопать в джине, это совсем другое дело, Нони: становишься утопленником, просто мертвецом. Мне стыдно за тебя, Нони. Вот я выпью сейчас и...

Встает, шатаясь, находит непечатую бутылку и пьет.

– Хороший ветер. Они называют это бурей – ты слышишь, Нони? Они называют это бурей. А как же они назовут бурю?

Снова пьет.

– Хороший ветер!

Подходит к окну и, отстранив край паруса, смотрит

рит.

– Ни одного огня ни в море, ни в поселке: спрятались и спят, ждут, пока пройдет буря. Брр, холодно. А я бы их всех выгнал в море, это подло ходить в море только в тихую погоду. Это значит надувать море. Я морской разбойник, это правда, меня зовут Хорре и меня давно нужно повесить на рее, и это правда, но я никогда не позволю себе такой мерзости: надувать море. Зачем ты привел меня в эту дыру, Нони?

Собирает хворост и бросает в камин.

– Я тебя люблю, Нони. Вот я зажгу огонь, чтобы согреть твои ноги, я ведь был твоей нянькой, Нони – но ты с ума сошел, это правда. Я умный человек, но я ничего не понимаю в твоих поступках. Зачем ты бросил корабль? Тебя повесят, Нони, тебя повесят, и я буду болтаться рядом с тобою. Ты с ума сошел, это правда!

Разжигает огонь, потом приготовляет еду и питье.

– Ты что скажешь, когда проснешься? «Огонь». А я отвечу: «есть». Потом ты скажешь: «пить». А я отвечу: «есть». А потом ты опять напьешься и я напьюсь с тобою, и ты будешь городить чепуху – до каких же пор будет это продолжаться? Два месяца мы так живем, а может быть два года, двадцать лет – я утопаю в джине, я ничего не понимаю в твоих поступках, Нони.

Пьет.

– Или я сошел с ума от джина, или поблизости погибает корабль. Как они кричат!

Смотрит в окно.

– Нет, пусто. Это ветер скучает и играет сам с собою. Он много видел крушений и теперь сочиняет: сам кричит, сам бранится и плачет, и сам же хохочет, плут! Но если ты думаешь, что эти лохмотья, которыми я завесил окно, парус, а эта развалина трехмачтовый бриг – то ты дурак! Мы никуда не идем! Мы стоим на мертвом якорю, слышишь?

Осторожно расталкивает спящего.

– Вставай, Нони. Мне скучно. Если пить, так вместе – мне скучно, Нони!

Хаггарт просыпается, потягивается и говорит, еще не открывая глаза.

– Огонь.

– Есть.

– Пить.

– Есть! Хороший ветер, Нони. Я смотрел в окно и море плеснуло мне в глаза. Сейчас прилив и брызги летят до башни. Мне скучно, Нони, я хочу с тобой говорить. Не сердись!

– Холодно.

– Сейчас разгорится огонь. Я не понимаю твоих поступков. Ты не сердись, Нони, но я не понимаю твоих поступков! Я боюсь, что ты сошел с ума.

– Ты уже пил?

– Пил.

– Дай сюда.

Пьет прямо из горлышка, лежа и блуждая взорами по кривым, исцербленным стенам, теперь озаренным в каждом выступе и каждой трещине ярким огнем камина. Еще не совсем уверен, что проснулся, и что все это – не сон. При сильных порывах ветра пламя выбрасывает из камина, и тогда вся башня точно пляшет – тают и убегают в разверстую дверь последние тени.

– Не сразу, Нони! Не сразу! – говорит матрос и осторожно отбирает бутылку.

Хаггарт садится и обеими руками сжимает голову.

– Болит. Что это за крик: разбился корабль?

– Нет, Нони. Это ветер плутует.

– Хорре!

– Капитан.

– Дай бутылку.

Отпивает немного и ставит на стол. Потом ходит по комнате, расправляя плечи и грудь, и заглядывает в окно. Хорре смотрит через плечо и подсказывает:

– Ни одного огня. Темно и пусто. Кому нужно было погибнуть, тот уже погиб, а осторожные трусы сидят

на твердой земле.

Хаггарт оборачивается и говорит, вытирая лицо.

– Когда я бываю пьян, я слышу голоса и пение. С тобою не бывает этого, Хорре? Кто это поет сейчас?

– Ветер поет, Нони, только ветер.

– Нет, а еще? Как будто поет человек, женщина поет, а другие смеются и что-то кричат. И это только ветер?

– Только ветер.

– Зачем же он обманывает меня? – говорит Хаггарт надменно.

– Ему скучно, Нони, как и мне, и он смеется над людьми. Разве ты слышал когда-нибудь в открытом море, чтобы он так лгал и издевался? Там он говорит правду, а здесь – здесь он пугает береговых и издевается над ними. Он не любит трусов, ты знаешь.

Хаггарт говорит угрюмо:

– Я слышал недавно, как играл в церкви их органист. Он лжет.

– Они все лжецы.

– Нет! – *кричит гневно Хаггарт.* – Не все. И там есть говорящие правду. Я обрежу тебе уши, если ты будешь клеветать на честных людей! Слышишь?

– Есть.

Молчат и слушают дикую музыку моря. С ума со-

шел ветер, это видно. Взял в охапку множество инструментов, из которых люди извлекают свою музыку: арф, свирелей, драгоценнейших скрипок, тяжелых барабанов и медных труб – и с размаху вместе с волной разбил об острые камни. Разбил и захохотал: только так понимал он музыку – каждый раз в смерти инструмента, каждый раз в разрыве струн, звенящей меди. Так понимал он музыку, сумасшедший музыкант! Хаггарт глубоко вздыхает и с некоторым изумлением, как человек проснувшийся, оглядывается по сторонам.

Коротко приказывает.

– Дай трубку.

– Есть.

Оба закуривают.

– Не сердись, Нони, – *говорит матрос.* – Ты стал такой сердитый, к тебе нельзя приступить. Можно мне потолковать с тобой?

– И там есть говорящие правду, – *говорит Хаггарт, угрюмо выпуская клубы дыма.*

– Как тебе сказать, Нони? – *отвечает матрос осторожно, но упрямо.* – Нет там правдивых людей. Это с тех пор, как случился потоп: тогда все честные люди ушли в море, а на твердой земле остались одни трусы и лжецы.

Хаггарт минуту молчит, потом вынимает труб-

ку изо рта и весело смеется:

– Это ты сам придумал?

– Я так думаю, – *скромно говорит Хорре.*

– Ловко! И стоило для этого учить тебя священной истории. Тебя поп учил?

– Да. В каторжной тюрьме. Тогда я был невинен, как голубица. Это тоже из священной истории, Нони: там всегда так говорится.

– Он был глуп! Тебя надо было не учить, а тогда же повесить, – *говорит Хаггарт и добавляет угрюмо:* – не говори глупостей, матрос. И подай мне бутылку.

Пьют. Хорре топает ногой по каменному полу и спрашивает:

– Тебе нравится эта неподвижная штука?

– Я хотел бы, чтобы подо мною плясала палуба.

– Нони! – *кричит матрос восторженно.* – Нони! вот я слышу настоящее слово! Уйдем же отсюда. Я не могу так существовать, я утопаю в джине, я ничего не понимаю в твоих поступках, Нони! Ты с ума сошел. Откройся мне, мальчик. Я был твоей нянькой, я с пальца кормил тебя, Нони, когда твой отец привез тебя на борт. Помню, как горел тогда город, а мы уходили в море, и я не знал, что с тобою делать: ты визжал как поросенок в камбузе. Я даже хотел бросить тебя за борт, так ты мне надоел тогда. Ах, Нони, это все так чувствительно, что я не могу вспоминать. Я должен

выпить. Выпей и ты, мальчик, но только не сразу, не сразу!

Пьют. Хаггарт тяжело и длительно шагает, как человек, запертый в темнице, но не желающий убежать.

– Тоска! – говорит он, не глядя на Хорре.

Тот с видом понимания утвердительно кивает головой.

– Тоска, понимаю. С тех пор?..

– С тех пор.

– С тех пор, как мы утопили тех? Они очень кричали.

Хаггарт. Я не слышал их крика. Но вот это я слышал: в груди у меня оборвалось что-то, Хорре. Всегда тоска, везде тоска! Пить!

Пьет.

– Тот, который плакал – уж не боюсь ли я его, Хорре? Вот было бы хорошо! У него текли слезы и он плакал, как несчастный. Зачем он делал это? Может быть, он из такой страны, где никогда не слышали о смерти, как ты думаешь, матросик?

Хорре. Я его не помню, Нони. Ты так много говоришь о нем, а я не помню.

Хаггарт. Он был глупец. Себе он испортил смерть, а мне испортил жизнь. Я его проклинаяю, Хорре. Пусть он будет проклят. Но только это ничего не значит, Хорре – нет!

Молчание.

Хорре. Хороший джин на этом берегу. Оно наладится, Нони, пройдет полегоньку. Уж если ты проклял, так ему нет никакой задержки: пройдет в ад, как устрица.

Хаггарт качает голову:

– Нет, Хорре, нет! Тоска. Ах, матрос, зачем я остановился тут, где я слышу море? Уйти бы мне туда, в глубину земли, где совсем не знают моря, где никогда о нем не слыхали на тысячу миль, на пять тысяч миль!

– Такой земли нет.

– Есть, Хорре. Давай пить и смеяться, Хорре. Этот органист лжет. Спой ты мне, Хорре, ты поешь хорошо. В твоём хриплом голосе я слышу скрипение снастей, твой припев – как разорванный бурей парус. Пой, матросик.

Хорре мрачно качает головой.

– Нет, я не буду петь.

– Тогда я заставлю тебя молиться, как тех!

– И молиться ты меня не заставишь. Ты капитан, и ты можешь убить меня, и вот тебе твой пистолет. Он заряжен, Нони. А теперь я буду говорить правду. Капитан! От лица всего экипажа с вами говорит Хорре, боцман.

Хаггарт говорит:

– Оставь это представление, Хорре. Тут нет ника-

кого экипажа. Мы двое. Выпей лучше.

Пьет.

– Но он тебя ждет, ты это знаешь. Капитан, вы намерены вернуться на корабль и снова принять командование?

– Нет.

– Капитан, вы не намерены ли пойти к тем береговым и жить с ними?

– Нет.

– Я не понимаю твоих поступков, Нони. Что же вы намерены делать, капитан?

Хаггарт молча пьет.

– Не сразу, Нони, не сразу. Вы намерены, капитан, торчать в этой дыре, пока придут полицейские собаки из города и потом нас повесят, даже не на рее, а просто на ихнем дурацком дереве?

– Да. Ветер крепчает. Ты слышишь, Хорре, ветер крепчает?

– А золото, которое мы зарыли тут? – *показывает пальцем вниз.*

– Золото? Возьми его и иди с ним куда хочешь.

Матрос говорит гневно:

– Ты плохой человек, Нони. Ты только что ступил на землю и уже у тебя мысли предателя. Вот что делает земля!

– Молчи, Хорре. Я слушаю. Это наши матросы поют,

ты слышишь? Нет, это вино бьет мне в голову. Я скоро буду пьян. Дай бутылку.

– Не пойдешь ли ты к попу? Он отпустит тебе грехи.

– Молчать! – *ревет Хаггарт и хватается за столет.*

Молчание. Буря крепнет. Хаггарт возбужденно шагает, натываясь на стены. Отрывисто бормочет что-то. Вдруг хватается за парус и яростно срывает его, впуская соленый ветер. Пламя почти гаснет и пламя в камине мечется дико – как Хаггарт.

– Зачем ты запер ветер? Теперь так, теперь хорошо – иди сюда.

– Ты был грозой морей! – *говорит матрос.*

– Да. Я был грозой морей.

– Ты был грозой берегов! Твое славное имя гремело, как прибой, по всем побережьям, где живут только люди. Они видели тебя во сне. Когда они думали об океане, они думали о тебе. Когда они слышали бурю, они слышали тебя, Нони!

– Я жег их города. Подо мною колышется палуба, Хорре. Подо мною колышется палуба!

Радостно смеется, безумно.

– Ты топил их корабли. Ты пустил на дно англичанина, который гнался за тобой.

– У него на десять пушек было больше, чем у меня.

– И ты зажег и потопил его. Помнишь, Нони, как сме-

ялся тогда ветер? Ночь была черна как сегодня, а ты сделал из нее день, Нони. Нас качало огненное море.

Хаггарт стоит бледный, с закрытыми глазами. И вдруг кричит повелительно:

– Боцман!

– Есть, – вскакивает Хорре.

– Свисти всех наверх.

– Есть.

Резкий боцманской свисток острыми лучами пронизывает ночь. Все оживает и становится похоже на палубу корабля. Волны кричат человеческими голосами; и в полузабытьи, страстный и гневный, командует Хаггарт.

– На ванты! – Взять лиселя. – Носовые готовься! – Цель в снасти, я не хочу топить его сразу. Направо руля, ложись на бейдевинд. Вторые готовься... А, огонь! А, ты уже горишь! На абордаж! Готовь крючья.

И безумно мечется Хорре, выполняя безумные приказания.

– Есть. Есть.

– Смелее, дети. Не бойтесь слезть! Эй, кто плачет там? Не смей же плакат, когда умираешь, я на огне высушу твои подлые глаза. Огонь! Везде огонь, Хорре-матрос! Я умираю. Они влили мне в грудь расплавленную смолу. Ой, жжет!

– Не плошай, Нони. Не плошай! Вспомни отца. Бей

их в лоб, Нони!

– Я не могу, Хорре. Силы оставили меня. Где моя сила?

– Бей их в лоб, Нони. Бей их в лоб!

– Возьми нож, Хорре, и вырежь мне сердце. Корабля нет, Хорре, – нет ничего. Вырежь мне сердце, товарищ, предателя выбрось из моей груди.

– Я хочу еще играть, Нони. Бей их в лоб!

– Корабля нет, Хорре, ничего нет, все обман. Я хочу пить.

Берет бутылку и хохочет:

– Смотри, матрос: тут заперты и ветер, и буря; и ты, и я. Все обман, Хорре!

– Я хочу играть.

– Тут заперта моя тоска. Смотри! В зеленом стакане, как вода, но это не вода. Будем пить, Хорре, там на донышке я вижу мой смех и твою песню. Корабля нет и нет ничего... Кто идет?

Быстро схватывает оружие. Камин горит слабо, мечутся тени – но две из теней темнее других и идут. Хорре кричит:

– Стой!

Отвечает мужской голос, тяжелый и густой:

– Тише! Оставь оружие. Я здешний аббат.

– Стреляй, Нони, стреляй! За тобой пришли.

– Я пришел помочь вам. Оставь же нож, глупец, а то

я без ножа переломая тебе все кости. Трус, испугался женщины и попа!

Хаггарт кладет пистолет и говорит насмешливо:

– Женщина и поп!

– А разве есть что-нибудь еще страшнее?

– Извините моего матроса, господин аббат, он пьян, а пьяный он очень неосторожен и может зарезать вас. Хорре, не верти ножом.

– Он пришел за тобою, Нони.

Аббат. Я пришел, чтобы предупредить вас: башня может упасть. Уходите отсюда!

Хаггарт. Ты что прячешься, девушка? Я помню как тебя зовут: тебя зовут Мариетт.

Мариетт. Я не прячусь, и я помню как вас зовут: вас зовут Хаггарт.

– Это ты привела его сюда?

– Я.

Хорре. Я говорил тебе, Нони, что они все предатели.

Хаггарт. Молчать.

Мариетт. У вас очень холодно, я подброшу сучьев в камин. Можно мне сделать это?

Хаггарт. Сделай.

Аббат. Башня вот-вот упадет. Часть стены уже обрушилась, под вами пустота. Послушай.

Стучит ногой по звонкому каменному полу.

– Куда же она упадет?

– В море, я думаю! Замок распадается на камни.

Хаггарт смеется:

– Слышишь, Хорре? Эта штука не так неподвижна, как тебе казалось: ходить она не умеет, но умеет падать. Сколько еще людей пришло с тобою, поп, и где ты их спрятал?

Мариетт. Мы пришли только двое, отец и я.

Аббат. А ты груб с попом, я этого не люблю!

Хаггарт. А ты пришел незванный, я этого тоже не люблю!

Аббат. Зачем ты привела меня сюда, Мариетт? Идем.

Хаггарт говорит насмешливо:

– А нас вы оставляете для гибели? Это не по-христиански, христианин.

– Я хоть и поп, но плохой христианин и Господу Богу известно об этом, – *гневно говорит аббат.* – И спасти такого грубого негодяя у меня нет охоты. Идем же, Мариетт.

Хорре. Капитан?

Хаггарт. Молчи, Хорре. Ты вот как говоришь, аббат... так ты не лжец?

– Пойдем со мною и увидишь.

– Куда же я пойду с тобою?

– Ко мне.

– К тебе? Ты слышал, Хорре – к попу. А ты знаешь, кого ты зовешь к себе?

– Нет, не знаю. Но я вижу, что ты молод и силен, я вижу, что лицо твое хоть и мрачно, но красиво, и я думаю, что ты можешь быть работником не хуже, чем другие.

– Работником? Хорре, ты слышал, что сказал поп?

Оба хохочут. Аббат говорит гневно:

– Вы оба пьяны.

Хаггарт. Да, немного! Но трезвый я смеялся бы еще больше.

Мариетт. Не смейся, Хаггарт.

Хаггарт гневно:

– Я не люблю лживых поповских языков, Мариетт, смазанных сверху правдой, как приманка для мух. Уводи его и уходи сама, девушка: я забыл как тебя зовут!

Садится и угрюмо смотрит перед собою. Брови сдвинуты и тяжело давит руку опущенная голова крутой и крепкий подбородок.

– Он тебя не знает, отец! Скажи ему о себе. Ты так хорошо говоришь, если захочешь – он поверит, отец.

Хаггарт!

Молчит Хаггарт.

– Нони! Капитан!

Тоже молчание. Хорре шепчет таинственно:

– У него тоска. Скажи попу, девица, у него тоска.

Снова грохот обвала. Точно руками всплескивают волны, встречая упавший камень и смеются визгливо и плеско. Все, кроме Хаггарта, вздрагивают и смотрят в окно. Аббат густо откашливается.

– Вот так и вышло дело – послушай-ка ты, голова, как вышло дело! Она говорит, что ты меня еще не знаешь. Я и говорю ему: это моя дочь! А он и говорить: как! ты поп, у тебя не может быть дочери.

Мариетт. Это папа из Рима так сказал.

Аббат. Да, папа. Как же не может, когда есть? Раз!

– Раз! – *поддерживает Хорре, глядя на Хаггарта.*

– Ты, рожа, молчи, это я не для тебя говорю. Думаешь, он опомнился – нет. Вдруг присылает опять: молись по-латыни. А они не понимают. Два! Ну, Христос с тобой – это он так сказал, папа – молись хоть по-китайски, только своих молитв не сочиняй, нельзя. А какие же? А те, которые ты учил. А я их забыл. Выучи опять! Это он говорит...

Мариетт. Папа...

Аббат. Да, папа. А я говорю: не хочу выученных молитв, там не мои слова. Тут мы и начали проклинаться: он меня, а я его, он меня, а я его. Распроклялись совсем. Только как я его проклинал? О, ты еще не знаешь, какой я хитрый! Он меня по-латыни, да и я его –

по-латыни. А то скажет: не слышу!

Хохочет, потом откашливается густо:

– Поповское дело трудное, сынок. Это и она тебе скажет. Мариетт, скажи ему!

– Хаггарт! Ты слышишь, Хаггарт. Это я говорю, Мариетт.

Хаггарт поднимает голову и говорит почти бесстрастно:

– Посмотри на мое лицо, поп. Но не смейся, я не люблю, когда надо мною смеются. Видишь ли, поп: у меня было хорошее лицо. Оно было холодно и дышало ветром, как туча. Как вода, оно было горько-солевым и крепким, и чистым полюбить меня могла бы и чайка. А теперь смотри! – какое плохое лицо.

Мариетт. Нет.

Аббат. Молчи, Мариетт.

Хаггарт. Молчи, девушка! Оно отвратительно – или ты еще не видела мужского лица? Оно мягко и тепло, как стоячая лужа, оно пахнет тиной и землей, подернуто сном, как болото.

Хорре. Это от джина, мальчик. Я так думаю, что это от джина, Нони! Он неумеренно пьет, девица.

Хаггарт. Это очень страшно, что я скажу: однажды солнце зашло как всегда, и больше не встало. У вас это бывает на берегу? Если бывает, то вы должны знать, как это страшно.

Мариетт. Бывает. Солнце заходит и больше не встает.

Хаггарт (*поднимаясь*). Да, ты подумай, девушка: солнце больше не встало! Я ждал его всю ночь и смотрел не отрываясь; и настало утро и день – а солнце не взошло. Я испугался, девушка! Я испугался и кинулся его искать по миру; я исходил все моря и океаны, я дошел до самого предела земли, где ад пылает холодными огнями, прельщая взоры чудесной красотой и сердце превращая в лед!

Хорре кивает головою горько:

– Так, так, Нони! У него тоска, поп.

– И много я видел черных ночей, а солнце – не всходило. Ветер ломал мои мачты, я ставил новые; падал ветер и вот этих я сажал за весла, как каторжников. В сутки мы подвигались на кабельтов...

– И того меньше, Нони. Мы все с тобою сошли с ума, если уж говорить по истине!

Хаггарт быстро подходит к аббату и говорит, глядя в упор:

– Ты знаешь по-латыни, поп, а вот этого ты еще не знаешь: почему люди не смеются, умирая? Им было бы лучше тогда, это верно, поп, это я говорю правду! Ах, девушка! Я видел, как горел человек, привязанный к мачте – подумай, у него уже трещали волосы, а он пел и смеялся, как на свадьбе. Вот был человек! Я на

колених принял его силу, стал на колени и принял его силу... Джину, матрос!

– Крепи паруса, Нони. Бей их в лоб.

– Хочешь, он споеет тебе песню, Мариетт. Спой, Хорре! Он поет хорошие песни.

Аббат пристально вглядывается в лицо Хаггарта и говорит медленно:

– Не ты ли, юноша, тот авантюрист, тот разбойник, знаменитый по всем морям и побережьям, который зовется...

Грохот нового обвала заглушает его слова; но никто не слышит гула – все взоры обращены на Хаггарта, медленно отнимающего от рта допитую флягу.

Хорре хрипит:

– Тебя узнали, Нони. Берегись!

– Не верти ножом, Хорре. Это был мой отец, аббат.

Аббат, отступая:

– Где же он?

– Убит. Но я взял его имя. И это за мою голову назначена награда, которой можно воскресить Иуду. Слушай, Мариетт!

Бросает несколько золотых и они со звоном раскатываются по каменному полу.

– Это музыка, под которую пляшут предатели. Не так ли, Хорре, матросик?

Одинокó смеется. Отступил от него аббат и сама Мариетт, не зная того, сделала шаг назад, но остановилась. Хорре грубо хохочет:

– Как их откачнуло, – знатный же ты развел нордост! Ведь они думают, Нони, что мы с тобой тоже аббаты, а мы вовсе и не аббаты. Все они лжецы и предатели, Нони, их души черны, как земля на закате. Когда поднимается буря, ты куда идешь, Нони? – в море все глубже, все дальше от их проклятых берегов. В море, капитан!

– Идем, матрос. Но только вместе с башней. Трубку! Садится и ждет равнодушно. Хорре всматривается и, безнадежно качнув головою, дает трубку Хаггарту и закуривает сам. И, повторяя движения Хаггарта, садится равнодушно на корточки. Бормочет насмешливо:

– Ну, и корабль! С ума ты сошел, Нони; это правда, да и я с тобою.

Новый грохот. Башня колеблется. Ветер свистит как разбойник, сзывающий других разбойников, и свирепеет ночь. И решительно говорит Мариетт:

– Идем! Идем же, Хаггарт. Сейчас все упадет, уверяю тебя, Хаггарт, сейчас все упадет.

Хорре (пуская дым). Она лжет, Нони!

Хаггарт (также). Я знаю, Хорре! Ты мало сушишь

табак, плохо тянет.

Хорре. Это они такой продают, Нони. Мошенники.

Мариетт тоскливо:

– Или ты забыл, как меня зовут? Меня зовут Мариетт. Хаггарт!

Хорре. Все тебя кличет, Нони, а обо мне ни гугу.

Хаггарт (*угрюмо*). Мне надоели твои шутки, матрос. Молись дьяволу, мы, кажется, уже поднимаем якорь.

Мариетт. Нет, хотела бы я знать: что вы делаете все? Или это так надо: сидеть и ждать, пока все упадет! Что же ты молчишь, отец? Я тебе говорю, отец – где твой голос? Или я ошибаюсь и ты не мой отец?

Аббат. Потихе, Мариетт!

Мариетт. Кого же мне просить, когда вы все молчите? Хорошо, я попрошу эти камни, я ветер попрошу, я бурю назову матерью и стану на колени. Не этого ли ты ждешь, Хаггарт? Хаггарт!

Аббат угрюмо.

– Идем, Хаггарт. Это я тебе говорю.

Хорре. Он лжет, Нони.

Хаггарт. Я знаю, Хорре.

Аббат. Я все забыл, что ты открыл мне юноша. Идем! Я все забыл! Ты слышишь – я не хочу знать, кто ты был. Скажем так: ты был никто. Да идем же, сумасшедший!

Хорре. Она сейчас скажет, что любит тебя. Ах, Нони, как чудесно было в каторжной тюрьме: я тогда был невинен, как голубица!

Мариетт. Он слов не слышит, отец.

Аббат. А что же он слышит? И чему ты смеешься, Мариетт? Смотрите на нее: она смеется.

Хаггарт коротко взглядывает на улыбающуюся Мариетт – и та говорит строго.

– Хаггарт! Уступи место отцу: он твой гость. Садись, отец: ты устал стоять у порога.

Хорре. Это она командует? Зажми ей рот, Нони!

Хаггарт. Молчать.

Встает, и, не глядя на Мариетт, вежливо уступает свой табурет аббату. Тот оглядывается в недоумении – и вдруг густо хохочет, хватаясь за бока:

– Нет, вы слыхали, как она сказала: отец, сядь, ты устал стоять у порога! Отец, у тебя ноги начинают дрожать, так долго стоял ты у двери! Ну, так вот же: я сел, Мариетт!

Садится и кричит весело:

– Матрос. Рожа! Трубку. Хочу и я покурить с вами. А может быть ты все-таки ушла бы, Мариетт? – я побуду с ними. Я не уйду.

– Нет.

Отходит к стене, опирается плечом в спокой-

но-выжидательной позе. Все играют в спокойствие. Хаггарт очень вежлив; аббат прост и серьезен. И только Хорре до конца остается самим собою; лениво набивает трубку и с неудовольствием подает аббату.

Хаггарт. Поторопись, Хорре: аббат наш гость. Наш табак может не понравиться вам, аббат, мы курим очень крепкий.

Аббат (закуривая). А я курю всякий! Вы давно здесь поселились?

Хаггарт. Около двух месяцев. Кажется так, Хорре?

Хорре. Так.

Хаггарт. Да, около двух месяцев. А как в нынешнюю зиму улов, господин аббат? Вы довольны?

Аббат. Не похваюсь. Нет, не похваюсь! Очень мешали бури. А здесь вам неудобно было жить? Холодно, я думаю.

Хаггарт. Да, продувало. Скажите, пожалуйста, чей этот замок? По виду он очень стар и уже давно необитаем. Я заметил его с моря.

Грохот, треск и рев. Башня вздрагивает, колеблется до самого основания. С потолка и от рассеявшейся оконницы отрывается несколько камней и с гулом катятся по полу.

Хорре. Ой, Нони! Якорь-то уже поднят. Бегите-ка, девица, пассажирам пора выходить. Тащи ее, поп!

Все стоят бледные. Только один Хаггарт не тронулся с места; бледен и он, но не от страха.

Аббат. Не пойти ли тебе, дочь? – я побуду здесь.

Мариетт. Нет!

Говорит Хаггарт, небрежно отталкивая ногою свалившийся камень.

– Я боюсь утомить вас вопросами, господин аббат. Но вы так предупредительны, что невольно является желание...

Аббат (сердито). Не скаль зубы перед смертью, юноша! Умирать, так умирать, никто от этого не отказывается, а паясничать стыдно! И я не маркиз; а ты не граф, чтобы говорить мне Вы.

Хаггарт гневно топает ногою.

– А! Ну, и хорошие же вы люди, ну, и хорошая же ваша страна – с вами можно умереть от смеха! Эй ты, храбрый лжец, поп, отвечающий на все вопросы, ответь-ка еще на один: не отдашь ли ты мне дочери своей, вот этой, Мариетт? Я хочу взять ее в жены. Может быть, я люблю ее. Ты этого еще не слыхал? Ага! Ты молчишь, храбрый лжец! Так вон же отсюда! Гони их, Хорре – мы будем умирать одни!

Мариетт берет поднятую руку Хаггарта, тихо опускает ее.

– Кто же здесь лжет, Хаггарт? Уж не я ли, та, которую только для тебя звали и зовут Мариетт? О, Хаггарт, –

о, безжалостный Хаггарт!

Картина 3

Солнечное, радостное утро. Отлив.

Далеко в море уходит бархатная отмель; вернулись с ночной ловли рыбаки и выгружают сверкающую рыбу. Тяжелые баркасы повалились на бок, тяжелые, старые баркасы с залатанными боками, с ободраным килем; одни лежат спокойно, зарывшись в ил и песок, другие по круглым каткам вытаскивают дальше на берег утомленные, но веселые рыбаки. Но большинство рыбаков, особенно старики, отдыхают: стоят по двое, по трое, покуривают изогнутые трубки, лениво обмениваясь словами, и смотрят на женщин, сгибающихся под тяжелыми плетенками с рыбой. Женщины работают все, молодые и старые, чуть-чуть не старухи: возле работающих вертятся дети и тоже помогают: прыгают, ссорятся, подбирают все ту же сверкающую танцующую рыбу. Светлыми зеркалами блистают маленькие, забытые океаном, лужи; вода нагрета солнцем, испаряется и пахнет.

Здоровые, обветренные лица, смуглые груди, открытые солнцу и морю, глаза, смотрящие ясно, празднуют свой день дети глубоких вод, неистовых шквалов, океанской тишины, священной, как церков-

ная служба. Нет громкого крика, но говор дружен и весел, нетороплив и ритмичен: отзвуки округлых валов, перекатывающихся тихо. Солены и просты шутки.

Обросший щетиною рыбак смотрит на женщину, слегка согнувшуюся под ношей, и шутит лениво, не выпуская изогнутой трубки из желтых зубов:

– Ой, тяжело, Мадлен! Зачем поднимаешь так много?

– Подняла же тебя, а ты не легче!

Ставит плетенку на песок и оба улыбаются дружелюбно – давно уже они муж и жена. Женщина повторяет, передыхая:

– А ты – ты ведь не легче.

– Ты слышишь, что она сказала? – он пережевывает шутку и еще раз повторяет ее соседу: – Сказала, будто я не легче.

Тот обдумывает и в знак того, что понял, и что ему смешно, вынимает на миг трубку, кривит бритые губы – и снова поспешно тянет, нагоняя потерянное время.

– Стоят, как дармоеды, – с притворной яростью говорит женщина, поднимая корзину. Но ей радостно, что они стоят, как дармоеды: пусть бы всегда так стояли.

И еще раз, но уже весело, кричит она, оглядыва-

ется назад и кричит:

– Сегодня и платье сушить не надо!

Из другой кучки рыбаков ей смотрят вслед и понимают ее.

– Не хотел бы я родиться женщиной, – *говорит один, помоложе.*

– А кто хотел бы? Уж не я ли? – *отвечает старый, слегка насмешливый голос.*

– Это я так говорю. Сегодня хороший улов. Рыба шла, как заколдованная.

Молчат и смотрят друг на друга.

– Кто же ее околдовал? Не ты ли?

– Не знаю кто. Рассказывают, что дикий Гарт знает какие-то слова...

– Какие же слова знает Гарт?

– Не знаю. Помнишь, Рибо, как тогда сразу утонули трое: Мюлло, да Саламбье, да Ланне. Тогда все женщины ждали на берегу.

– А кому же было ждать? Уж не мне ли? Я сам едва выбрался.

Проходит девушка с плетенкой; ей помогает молодой веселый рыбак.

– Ты придешь сегодня танцевать, Франсина?

– Нет.

– Приходи. Я придумал новое па. Я возьму тебя на плечи и унесу в лес.

Оба смеются.

– Это ты сам придумал, или дедушка тебе рассказал?

Уходят. А у этих двоих продолжается медлительный, как молчание, осторожный разговор:

– Филиппа ударил угорь.

– Что же Филипп? Ты говоришь, его ударил угорь.

– Филипп? Ничего. Вон Филипп.

Филиппу хочется быть старше, чем он есть: он уже стоял со стариками и курил; но недолго – пошел к девушкам помогать и болтать глупости о своей любви. Молодой он и красивый, но никогда не любила его Мариетт. А он всегда любил ее – всегда. Теперь он что-то нашептывает одной из девушек, а сам все оглядывается – где-то Мариетт?

– Ты такая красивая... – говорит он, обнимая.

Девушка сердито отталкивает руку:

– Иди любезничать к другой. Отчего у вас никто так много не врет про любовь, как ты? Ты всех любишь, сегодня одну, завтра тех. Ты столько отдаешь любви, как дырявая барка воды, и никому это не нужно.

– И тебе не нужно?

– И мне. Иди к Мариетт. Потому что ты все лжешь про любовь. Иди к Мариетт! Или нет, не ходи: тебя убьет Гарт.

Смеется.

– Я не боюсь Гарта, – *угрюмо говорит Филипп.*

– Вы все не боитесь Гарта. Оттого он и голоса под-
нять не смеет, ему страшно, как бы не услышал его
Филипп.

*Из толпы рыбаков, выволакивающих баркас, до-
носится громкой, весело повелительный голос Хаг-
гарта:*

– Как ты тянешь канат, Фома! Это не псалом, кото-
рый можно тянуть две недели. Смотри, как я!

Баркас, подернувшись, быстро подается вперед.

*Старый рыбак угрюмо бросает веревку и отхо-
дит в сторону:*

– Ты сильный человек, Гарт. Ну – и тяни.

*Отходят и другие, повторяя одни со смехом, дру-
гие серьезно и просто:*

– Тяни один. Ты сильный человек, Гарт!

*Хаггарт остается один у каната, и равнодушно
смотрят на его усилия рыбаки.*

– Одному нельзя, баркас слишком тяжел! – *гово-
рит Хаггарт, сердито бросая канат.*

*И старый рыбак из толпы, тот, что вышел пер-
вый, отвечает с насмешливой поучительностью:*

– А если одному нельзя, то и кричать одному не на-
до. Пусть все и кричат!

*Грубоватый, тяжелый хохот. Снова все берутся,
тянут – с ними и весело смеющийся Хаггарт.*

– Это так! Это правда, – *говорит он.* – Ну, а я все-таки буду кричать. Эй, ровнее тяни! Крепче. Разом! Кто тянет канат, как мочалу из тьюфяка?

Громче всех в этой стороне смеется над Хаггартом Филипп – хочет, чтобы услышали его. И, кажется, Хаггарт услышал – оглянулся. Кажется, услышала и Мариетт – проносила к берегу пустую корзину и оглянулась. И с внезапностью человека, расточающего никому не нужную любовь, бросает свою девушку Филипп и быстро подходит к Мариетт:

– Не помочь ли тебе, Мариетт?

Женщина не оборачивается и не отвечает, но Филипп, продолжая говорить, идет за нею. И низкою зеленой полосой стелется отошедшее от берегов море, и как дым ладана, но улегшийся после жаркой молитвы, клубится голубой туман в извилинах скалистого берега. А те двое продолжают неторопливый обдуманый разговор:

– Так ты говоришь: Филиппа ударил угорь?

– Разве угорь? Нет, я сказал: его ударил скат.

Трубка вынимается изо рта:

– Так разве он не знает?..

А во все время, пока люди работают и смеются и говорят – сидит в сторонке, на невысоком камне, глубоко равнодушный и слегка пьяный Хорре. Ка-

мень невысок, и узловатый Хорре похож на краба, вылезшего погреться на солнце. Но и краб, пожалуй, не остался бы так равнодушен к человеческим делам, как Хорре: курит, сплевывает – разве только удивляется временами: как это они могут. Но когда слышит сильный голос Хаггарта, но когда видит проходящую мимо Мариетт – становится угрюм и угрожающ. И слабо ворочает тяжелыми клешнями.

– Ах, Нони, Нони! Я умный человек, но я ничего не понимаю в твоих поступках.

Проходят двое:

– В этом месте нет дна, говорят.

– Везде есть дно.

– Я сам не знаю, но так говорят. Говорят, что утонувшие в этом месте никогда не доходят до дна. Вероятно, они похожи на подводных птиц, как ты думаешь?

– А у неба есть дно?

– У неба есть. Давай смотреть. Сегодня такое хорошее небо.

Останавливается и задирает голову. Но второй дергает его за руку, и говорит угрюмо:

– Идем! Только у человеческого горя нет дна...

Смотри туда, если хочешь.

– Хорошее утро!

– Хорошее утро.

Уходят, один угрюмый, другой веселый и беспечный – и равно ласкает небо их обоих. Медленно, красиво клонясь под тяжелой плетенкой, идет Мариетт и ей сопутствует теряющий голову Филипп.

– Ты слышишь, какой сильный голос у Гарта? – спрашивает Мариетт.

– Слышу, Мариетт.

– Не зови меня Мариетт. Гарт говорит, что некоторые люди умирают даже в двадцать лет – тебе не приходилось слышать? Тебе тоже двадцать лет.

– Да, уже двадцать, Мариетт.

– Или ты хочешь, чтобы я сама сделала это? – в гневе останавливается женщина.

– Для него?

– Да, для него. Зачем ты каркаешь мое имя, уверяю тебя, меня никогда не называли так. Никогда!

Филипп говорит вызывающе:

– Я выхожу в лодке один и всему морю кричу! Мариетт, Мариетт! Я целовал Мариетт!

Женщина окидывает его презрительным взглядом:

– Да, так говорят все.

– Ты знаешь, старик, – она гневно подходит к Хорре и бросает в него слова, как камни: – вот этот был моим женихом и целовал меня.

Филипп уходит, повторяя со смехом:

– Мариетт, Мариетт!

– Знаю, – угрюмо отвечает Хорре.

– Нет, ты ничего не знаешь. Ты мне мешаешь жить, волк! В моей груди стояла радость поверх сердца, зачем вы все расплескиваете ее? – кому нужно расплескивать мою радость, чтобы она сохла на песке. Это я солгала: Филипп никогда не целовал меня. Слышишь? Я ненавижу Филиппа.

– Слышу.

– Хорре?

– Мариетт?

– Кто зажигал вчера огни у мыса? Скажи-ка.

Хорре хрипит насмешливо:

– Ты ошиблась. Это не был огонь. Это был маяк святого Креста.

– Уж и хорошо ты придумал! Но не лги: это был огонь. И я знаю, кто зажигал его.

– Скажи: дьявол! Мне все равно.

– Ой, берегись, Хорре! Или у тебя две головы?

– Будь бы две, одну я давно отдал бы твоему Хаггарту. А то одна. Куда ты девала его голову, Мариетт?

– Ты мне не даешь жить, волк. Ты опять поил джином маленького Нони?

– Вон идет твой муж. Скажи ему.

Мариетт окидывает его гневным взглядом и уходит. Издали окликает ее Хаггарт:

– Мариетт!

И не оглядываясь, она отвечает:

– Мне некогда, Гарт.

– Ого! – *говорит Хаггарт, усаживаясь на камень возле Хорре.* – Это ты опять рассердил ее, матрос? Не надо этого, кому-нибудь от этого может быть плохо. Ты глуп, Хорре: почему ты не любишь ее?

– Как тебе сказать, Нони? – *говорит матрос осторожно.*

Хаггарт весело перебивает его:

– Так, будь осторожнее. Если бы ты пошевелишь мозгами, матрос, ты бы понял: ты должен любить ее. Почему? Потому что она похожа на меня. Вот смешно: она похожа на меня, как сестра! Сестричка Мариетт.

– Все люди похожи, и все люди разные, – *уклончиво говорит матрос.*

– Мне хочется поплыть к тому старому шаману и схватить его за ожерелье, пусть скажет: не от одной ли мы матери, я и Мариетт.

Смеется.

– Тебе весело, Нони?

– Да. Понюхай мои руки, Хорре, – как славно пахнут они морем! Можно подумать, что я весь океан пропустил сквозь пальцы.

– Пахнут, но только рыбой. Не обижайся, Нони: так пахнут руки и у негра в камбузе.

Хаггарт хмурится, но тотчас же гнев его пере-

ходит на смех.

– Вот бы я посмотрел акулу, которая захочет съесть тебя: тебя нельзя ни проглотить, ни выплюнуть.

– Тебе очень весело, Нони?

Хаггарт быстро:

– Да. Мне мешает жить один человек. А у тебя никак, матрос? – это не бывает даром. Ты где-нибудь нагулял его. Что? И где ты пропадал три дня? Ты где пропадаешь по три и по четыре дня, – Хорре?

– Я ходил бражничать, Нони, я бражничал в городке.

– Ну, и хороший же ты человек, Хорре! Теперь не скажешь ли ты, что ты пил джин и тебя побили?

– Кое-что было, Нони.

Хаггарт вскакивает на ноги и с крепким гневом, наклонившись, говорит матросу:

– Нет, а не скажешь ли ты, что видел тех и они ждут меня. Эй, Хорре – ну-ка скажи!

Хорре покорно отвечает:

– Нет, капитан, не скажу.

Хаггарт садится:

– Я знал, что не скажешь. Трубку!

– Есть.

– Я уже вижу, как вы там хныкали, скрипели зубами и клялись. Или всю жизнь мне таскать их на хвосте, – ты как думаешь, боцман? Вчера кто-то зажигал огонь

у мыса, но я не хочу знать, кто это был. Я думаю, что там никого не было. Хм! Я уже слышу, как одни говорят: мы не можем без капитана, англичанин проглотит нас. А другие: лучше пойдём и убьём его, чем столько ждать. А я хочу жить здесь.

– Живи.

Молчанье. Проходят двое стариков; один совсем старый, с выгнутой колесом спиною, шамкает ворчливо:

– Говорят: Рикке, эй, дедушка Рикке. А кто будет плести сети? У меня солёная вода в глазах. Я вижу, как сквозь воду – кто будет плести сети? Вот тебе и весь тут дедушка Рикке...

Хорре. Все ходят и хвастают, что хороший улов. Правда это, капитан?

Хаггарт. Я хочу жить здесь. Да, правда. Сегодня хорошее утро – вода пахнет! И зачем ты говоришь мне капитан? – давай теперь разговаривать, как друзья. Я очень счастлив, Хорре!

Хорре. Нет, Нони, это не правда. Если бы это была правда, я выколотил бы тебя из моего сердца, как вот эту трубку. Ты очень несчастлив, Нони.

Хаггарт смеется:

– Ну-ка дальше! Сегодня я очень добрый и буду слушать.

– Ты добрый, а меня не стал бы есть и австралиец:

так я горек от желчи. Может быть это совесть, как ты думаешь, Нони? – но мне стыдно смотреть на тебя. Я краснею, как девица, когда вижу тебя с этими пройдохами и мошенниками, мне хочется ослепнуть, Нони, чтобы никогда этого не видеть.

– У тебя мозги перевернулись, матрос, вот что. Посмотри на море. Оно у них и у нас и это значит, что мы одинаковые. Оно у них и у нас, Хорре!

Оба, задумавшись, смотрят на широкий горизонт. Далека зеленая полоска воды, но над всем царит она, как те белые облака, что вдруг выплыли на середину небесной синевы, сложились царским тронном для грядущего Владыки. Маленький белеет парус: скосило его ветром и несет по простору; и ширью, и воздухом, и светом захлебывается грудь.

Хаггарт. Ты хнычешь, Хорре? Какой дурак – он хнычет.

Хорре. Туда мне хочется, Нони!

Показывает рукой на горизонт.

– Но ты дурак – зачем ты хнычешь?

– Я не дурак, капитан. Но ты забыл правду, Нони, как негр. Ты думаешь, они любят это? – *обводит пальцем горизонт.* – Нет! Они тащут из него что попало: рыбу, траву, обломки кораблей. На обломках кораблей они варят свой суп. Нони! Оно им нужно только для того, чтобы обкрадывать его – вот как они его

любят.

Хаггарт. Как отца, который кормит, лучше так скажи, матрос.

Хорре. Нет, Нони, как козу, которую доят. Ты видал здешнего человека, который поклонился бы морю? Нет. Кланяются они в другую сторону, а сюда только плюют. Они и прокляли бы его, да боятся! Они ненавидят его, Нони, ужасаются, как страшилища, обманывают его, как Бога! Ты был с ним когда-то, теперь ты против него: берег всегда против воды, Нони.

Хаггарт. Берег всегда против воды! Если ты сам это придумал, то это очень хорошо.

Хорре. А твои глаза уже и этого не видят? Эх, Нони! Ты никогда не был слишком добр, это правда, а он – разве добр? Но ты умел дарить, как он. Эх, Нони! Ты бросал им деньги, джин, танцы, ты дул на них горячим ветром, от которого звонили их колокола – вот что ты делал, когда приходил на землю! У тебя были товарищи, которых ты любил, но у тебя были и враги. А где теперь твои враги? – у тебя все друзья.

Хаггарт. Не все.

Хорре. Я пьяница, это верно, меня давно нужно повесить на рее, но мне было бы стыдно жить без врагов. У кого нет врагов, тот всегда дезертир, Нони.

Хаггарт. Это хорошо, что мы говорим с тобой как друзья. Я немного устал улыбаться, может быть, мое

лицо еще не привыкло к этому – я не знаю, может быть. Но я устал. И мне мешает жить один человек. И еще может быть, что вот все это – сон. Ты не думаешь этого, Хорре? Ну, не думай, и я ведь этого не думаю. И еще вот что хорошо бы: сломать ногу. Прыгать среди скал и нечаянно сломать ногу.

– Зачем же это? Ты что-то круто берешь руля, Нони.

– Чтобы почувствовать боль.

– Тише, идет Мариетт.

– Твоя жена. Да, идет твоя жена.

– Тише, матрос! Мне мешает жить один человек. Но я счастлив, уверяю тебя, я счастлив, дружище. Нет, ты посмотри, как идет Мариетт! Послушай: это во сне я видел человека, который мешает мне... Здравствуй, Мариетт, сестричка!

– Здравствуй, Гарт! Ты еще так не говорил мне никогда.

– Тебе нравится?

Встает против Мариетт и доверчиво обводит пальцем вокруг ее глаз.

– Какие большие глаза! В твои глаза должно быть много видно, Мариетт, много моря, много неба. А в мои?

Оборачивается к морю и, окружив глаза кольцом пальцев, смотрит и говорит успокоено:

– И в мои много.

– Хорре... – *начинает Мариетт, и Хаггарт быстро оглядывается:*

– Ну, что, Хорре? за что ты не любишь его, Мариетт. Мы так с ним похожи.

– Он похож на тебя? – *говорит женщина с презрением.* – Нет, Хаггарт! Но вот что он сделал: он сегодня опять поил джином маленького Нони. Мочил палец и давал ему. Он его убьет, отец.

Хаггарт смеется.

– Разве это так плохо? Он и меня поил так же.

– И окунал его в холодную воду. Мальчик очень слаб, – *хмуро говорит Мариетт.*

– Я не люблю, когда ты говоришь о слабости. Наш мальчик должен быть силен. Хорре! Три дня без джину.

Показывает пальцами три.

– Кто без джину? Я или мальчишка? – *мрачно спрашивает Хорре.*

– Ты! – *гневно отвечает Хаггарт.* – Прочь отсюда.

Матрос угрюмо собирает пожитки – кiset, трубку и флягу – и, переваливаясь, уходит, – но недалеко: садится на соседнем камне. Хаггарт и жена смотрят ему вслед.

Работа кончилась. Теряя блеск, валяется последняя неподобранная рыба: уже и ребятам лень наклоняться за нею; и втаптывает ее в ил равнодуш-

ная; пресыщенная нога. Тихий, усталый говор, спокойно-веселый смех.

– Какую сегодня молитву скажет наш аббат? Ему уже пора идти.

– А вы думаете, что это так легко: сочинить хорошую молитву? Он размышляет.

– А у Селли прорвалась плетенка, и рыба сыпалась оттуда. Мы так смеялись!

– Мне и теперь смешно!

Смех. Два рыбака смотрят на далекий парус.

– Всю жизнь я вижу, как мимо нас идут куда-то большие корабли. Куда они идут? Вот они пропадают за горизонтом, а я отправляюсь спать; и я сплю, а они все идут, идут. Куда, ты не знаешь?

– В Америку.

– Мне хотелось бы с ними. Когда говорят Америка, у меня звенит сердце. Что это, нарочно: Америка, или правда?

Шепчутся несколько старух:

– Дикий Гарт опять рассердился на своего матроса. Вы видели?

– Матрос недоволен. Посмотрите, какое у него постное лицо.

– Да, как у нечистого, которого заставили выслушать псалом. Но только и дикий Гарт мне не нравится, нет. Откуда он пришел?..

Шепчутся. Хаггарт жалуется тихо:

– Зачем у тебя для всех одно имя, Мариетт? Так не должно быть в правдивой стране.

Мариетт говорит со сдержанной силой, обе руки прижимая к груди:

– Я так люблю тебя, Гарт: когда ты уходишь в море, я стискиваю зубы и не разжимаю их, пока ты не приходишь снова. Без тебя я ничего не ем и не пью; без тебя я молчу, и женщины смеются: немая Мариетт! Но я была бы сумасшедшей, если бы разговаривала, когда я одна.

Хаггарт. Вот ты опять заставляешь меня улыбаться. Так же нельзя, Мариетт, я все время улыбаюсь.

Мариетт. Я так люблю тебя, Гарт: во всем часы, днем и ночью, я думаю только о том, что бы еще отдать тебе, Гарт? Не все ли я отдала? – но это так мало, все! Я только одного и хотела бы: все дарить тебе, дарить. Когда заходит солнце, я дарю тебе закат, когда оно восходит, я дарю тебе восход – возьми его, Гарт. И разве все бури не твои? – ах, Хаггарт; как я тебя люблю!

Хаггарт. Я так сегодня буду бросать маленького Нони, что заброшу его на облака. Ты хочешь? Давай смеяться, сестричка Мариетт. Ты совсем как я: когда ты так стоишь, мне кажется, что это стою я, нужно протереть глаза. Давай смеяться! Вдруг я когда-нибудь пе-

репутаю: проснусь и скажу тебе: здравствуй, Хаггарт!

Мариетт. Здравствуй, Мариетт.

Хаггарт. Я буду звать тебя: Хаггарт. Хорошо я придумал?

Мариетт. А я тебя Мариетт.

Хаггарт. Да. Нет. Лучше зови меня тоже Хаггарт.

Мариетт печально:

– Ты не хочешь?

Подходят аббат и старый Дан; аббат громко басит:

– Вот и я, вот я несу молитву, дети. Как же, сейчас придумал, даже жарко стало. Дан, что же не звонит мальчишка? Ах, нет: звонит. Дурак, он не в ту веревку – ну, да все равно, и так хорошо. Хорошо, Мариетт?

Звонят два жиденьких, но веселых колокола. Мариетт молчит, и Хаггарт отвечает за нее:

– Хорошо.

– А что говорят колокола, аббат?

Собравшиеся кругом рыбаки готовятся к смеху, всегда повторяется одна и та же неумирающая шутка.

– А ты никому не скажешь? – *хитро щурится аббат и басит:* – Папа – плут! Папа – плут!

Весело хохочут рыбаки.

– Вот этот человек, – *гремит аббат, указывая на Хаггарта,* – самый любимый мой человек! Он сделал

мне внука, и я написал об этом папе по-латыни. Но это было уже не так трудно – верно, Мариетт? а вот он умеет смотреть в воду. Он предсказывает бурю так, как будто он сам делает бурю? Гарт! Ты сам делаешь бурю? И откуда у тебя дует ветер – ведь ты сам ветер.

Одобрительный смех. Старый рыбак говорит:

– Это правда, отец. С тех пор, как он здесь, нас ни разу не застал шторм.

– Еще бы не правда, когда я говорю. Папа – плут, папа – плут! Все здесь. Становитесь на молитву. Прогнать ребятишек, пусть там молятся по-своему: ходят на головах. Папа – плут, папа – плут...

Старый Дан подходит к Хорре и что-то говорит – тот отрицательно мотает головою. Аббат, напевая «папа – плут», обходит толпу, бросает короткие замечания, иных дружески похлопывает по плечу.

– Папа – плут. Здравствуй, Катерина, – живот-то у тебя, ого! Папа... Все готовы? А Фомы опять нет – уже второй раз уходит он с молитвы. Скажите ему, что если еще раз – он недолго пролежит в постели. Папа – плут... Ты что-то невесела, Анна – это не годится. Жить нужно весело, жить нужно весело! Я думаю, что и в аду весело, но только на другой лад. Папа – плут... Вот уже два года, как ты перестал расти, Филипп. Это не годится.

Филипп отвечает угрюмо:

– И трава перестает расти, если на нее свалится камень.

– И еще хуже, чем перестает расти: под камнем заводятся черви. Папа – плут, папа – плут...

Мариетт говорит тихо с печалью и мольбой.

– Ты не хочешь, Гарт?

Хаггарт упрямо и мрачно:

– Не хочу. Если меня будут звать Мариетт, никогда не убью того. Он мне мешает жить. Подари мне его жизнь, Мариетт: он целовал тебя.

– Как же я могу подарить то, что не мое? Его жизнь принадлежит Богу и ему.

– Это неправда. Он целовал тебя, разве я не вижу ожогов на твоих губах? Дай мне убить его и тебе станет так и радостно и легко, как чайке. Скажи да, Мариетт.

– Нет, не надо, Гарт. Тебе будет больно.

Хаггарт смотрит на нее и говорит с тяжелой насмешливостью:

– Вот как! Ну, так это неправда, что ты даришь мне. Ты не умеешь дарить, женщина.

– Я твоя жена.

– Нет! У человека нет жены, когда другой, а не она, точит его нож. Мой нож затупился, Мариетт!

С ужасом и тоской смотрит Мариетт:

– Что ты говоришь, Хаггарт? Проснись, это страшный сон, Хаггарт, – Хаггарт! Это я, посмотри на меня. Шире, шире открой глаза, пока не увидишь меня всю. Видишь, Гарт?

Хаггарт медленно потирает лоб.

– Не знаю. Это правда: я люблю тебя, Мариетт. Но какая непонятная ваша страна: в ней человек видит сны, даже когда не спит. Может быть, я уже улыбаюсь? – посмотри, Мариетт?

Аббат останавливается перед Хорре.

– А, старый приятель, здравствуй. Так-таки и не хочешь работать?

– Не хочу, – *угрюмо цедит матрос.*

– А по-своему хочешь? Вот этот человек, – *гремит аббат, указывая на Хорре,* – думает, что он безбожник. А он просто дурак, но понимает, что тоже молится Богу – но только задом наперед, как морской рак. И рыба молится Богу, дети мои, я сам это видел. Будешь в аду, старик, кланяйся папе. Ну, дети, становитесь поближе, да не скальте зубы – сейчас начну. Эй ты, Матиас – трубку можешь и не гасить, не все ли равно Богу, какой дым, ладан или табак – было бы честно. Ты что качаешь головою, женщина?

Женщина. У него контрабандный табак.

Молодой рыбак. Станет Бог смотреть на такие пустяки.

Аббат на мгновенье задумывается:

– Нет, погоди. А, пожалуй, контрабандный табак, это уже не так хорошо. Это уже второй сорт! Вот что, брось-ка пока трубку, Матиас, я потом это обдумаю. Теперь тихо, детки, совсем тихо: пусть Бог сперва на нас посмотрит.

Все стоят тихо и серьезно. Только немногие опустили головы – большинство смотрит вперед широко открытыми неподвижными глазами: точно и впрямь увидели они Бога в лазури небес, в безграничности морской, светлеющей дали. С ласковым ропотом приближается море – начался прилив.

– Боже мой, и всех этих людей! Не осуди нас, что молимся не по-латыни, а на родном языке, которому учила нас мать. Боже наш! Спаси нас от всяких страховищ, от морских неведомых чудовищ; обереги нас от бурь и ураганов, от гроз и ненастий. Дай нам тихую погоду и ласковый ветер, ясное солнце и покойную волну. И вот еще, Господи, особенно просим тебя: не позволяй дьяволу близко подходит к изголовью, когда мы спим. Во сне мы беззащитны, Господи, и дьявол пугает нас до ужаса, терзает до содрогания, мучит до сердечной крови. И вот еще, Господи: у старого Рикке, которого Ты знаешь, начинает погасать Твой свет в очах и он уже не может плести сети...

Рикке часто утвердительно кивает головой:

– Не могу, нет!

– Так продли ему, Господи, Твой светлый день и скажи ночи, чтобы подождала. Так, Рикке?

– Так.

– И вот еще последнее, Господи, а больше не буду: у наших старух слезы не высыхают об умерших – так отними у них память, Господи, и дай им крепкое забвенье. Там и еще есть, Господи, кое-какие пустяки, но пусть молятся другие люди, кому настала очередь перед Твоим слухом. Аминь.

Молчание. Старый Дан дергает аббата за рукава, и что-то шепчет ему.

Аббат. Вот Дан еще просит, чтобы я помолился о погибших в море.

Женщины восклицают жалостным хором:

– О погибших в море! О погибших в море...

Некоторые становятся на колени. Аббат с нежностью смотрит на их склоненные головы, истомленные ожиданием и страхом, и говорит:

– Но о погибших в море должен молиться не поп, а вот эти женщины. Сделай же, Господи, так, чтобы поменьше плакали они!

Молчанье. Слышнее гремит прилив – несет океан на землю свой шум, свои тайны, свой горько-соленый вкус неизведанных бездн.

Тихие голоса:

– Море идет.

– Прилив начался.

– Море идет.

Мариетт целует руку у отца.

– Тоже женщина! – *говорит поп ласково.* – Послушай, Гарт, это ли не странно: как от меня, мужчины, могло родиться вот это, – ласково стучает дочь пальцем по ее чистому лбу, – вот это: женщина!

Хаггарт улыбается.

– А разве это не странно, что у меня, мужчины, вот это, – *обнимает Мариетт, сгибая ее тонкие плечи,* – вот это стало женой?

– Пойдем-ка есть, Гарт, сыночек. Кто бы оно ни было – одно знаю хорошо: оно приготовило нам с тобою здоровеннейший обед.

Народ быстро расходится. Мариетт говорит смущенно и весело:

– Я побегу вперед.

– Беги, беги, – *отвечает аббат.* – Гарт, сыночек, позови-ка безбожника обедать. Я буду бить его ложкой по лбу: безбожник лучше всего понимает проповедь, если его бить при этом ложкой.

Ждет и бормочет:

– А мальчишка-то опять зазвонил: это он для себя, плут. Не запирать колокольни – так они с утра до ночи будут молиться.

Хаггарт подходит к Хорре, возле которого снова уселся Дан.

– Хорре! Идем обедать, тебя поп звал.

– Не хочу, Нони.

– Так! Ты что же тут будешь делать на берегу?

– Думать, Нони, думать. Мне так много нужно думать, чтобы хоть что-нибудь понять.

Хаггарт молча поворачивается. Аббат издали кричит:

– Не идет? Ну, и не надо. А Дана ты, сыночек, никогда не зови, – *говорит поп густым шепотом:* – он по ночам ест, как крыса. Мариетт нарочно ставит ему на ночь что-нибудь в шкафу – посмотрит утром – ан чисто. И ведь подумай, никогда не слышно, как он берет – летает он, что ли?

Уходят оба. На опустевшем берегу только два старика, дружелюбно усевшиеся на соседних камнях. И так похожи они старые: и что бы ни говорили они – роднит их страшно белизна волос, глубокие борозды старческих морщин.

Прилив идет.

– Все ушли, – *бормочет Хорре.* – Так на обломках и нашего корабля сварят они горячий суп. Эй, Дан! Ты знаешь: он три дня не велел мне пить джину. Пусть издыхает старая собака, не так ли, Нони?

– О погибших в море... о погибших в море, – *бор-*

мочет Дан. – Сын у отца, сын у отца, и сказал отец: пойди – и в море погиб сын. Ой, ой, ой.

– Ты что болтаешь, старик? Я говорю: он не велел мне пить джину. Скоро он, как тот твой царь, велит высечь море цепями.

– Ого! Цепями.

– Твой царь был дурак. А он был женат, твой царь?

– Море идет, идет, – *бормочет Дан.* – Несет свой шум, свои тайны, свой обман – ой, как обманывает море человека. О погибших в море – да, да, да – о погибших в море...

– Да, море идет – а ты этого не любишь? – *злорадствует Хорре.* – Ну, не люби. А я не люблю твою музыку – слышишь, Дан – я ненавижу твою музыку!

– Ого! А зачем ходишь слушать. Я знаю, как вы с Гартом стояли у стены и слушали.

Хорре говорит угрюмо:

– Это он поднял меня с постели.

– И опять поднимет.

– Нет! – *сердито рычит Хорре.* – А вот я сам встану ночью – слышишь, Дан – встану ночью и разобью твою музыку.

– А я наплюю в твоё море.

– Ну-ка, попробуй! – *говорит матрос с недоверием.* – Как же ты плюнешь?

– А вот так, – *Дан с остервенением плюет в на-*

правлении моря.

Смятенно хрипит испуганный Хорре:

– Ах, какой же ты человек. Эй, Дан, смотри, тебе будет нехорошо: ты сам говоришь о погибших в море.

Дан испуганно:

– Кто говорит о погибших в море? Ты, ты?

– Собака!

Уходит, ворча и покашливая, размахивает рукою и горбится. Хорре остается один перед всею громадою моря и неба.

– Ушел. Так буду же смотреть на тебя, море, пока не лопнут от жажды мои глаза!

Ревет, приближаясь, океан.

Картина 4

У самой воды, на тесной площадке каменистого берега стоит человек – маленькое, темное, неподвижное пятно. Позади его холодный, почти отвесный скат уходящего ввысь гранита, а перед глазами – в непроницаемом мраке – глухо и тяжело колыхается океан. В открытом голосе валов, идущих снизу, чувствуется его мощная близость. Даже пофыркивание слышно – будто плещется, играя, стадо чудовищ, сопит, ложится на спину и вздыхает удовлетворенно, получает свои чудовищные удовольствия.

И пахнет открыто океан: могучим запахом глубин, гниющих водорослей, своей травы. Сегодня он спокоен и как всегда – один.

И один только огонек в черном пространстве воды и ночи – далекий маяк святого Креста.

Слышится скрежет камешков под осторожную стопю: то Хаггарт спускается к морю по крутой, но привычной тропинке. Останавливается, молчит сдержанно, выдыхая напряжение опасного спуска, и снова идет. Вот уже внизу он – выпрямляется и смотрит долго на того, кто уже занял свое странно-обычное место на самой границе пучины. Дела-

ет несколько шагов вперед и приветствует нерешительно и мягко – даже робко приветствует Хаггарт:

– Здравствуйте, неизвестный господин. Вы уже здесь давно?

Печальный, мягкий и важный голос отвечает:

– Здравствуй, Хаггарт. Да, я уже здесь давно.

– Вы смотрите?

– Смотрю и слушаю.

– Вы позволите мне стать возле вас и смотреть туда же, куда смотрите и вы, господин? Боюсь, что я мешаю вам своим непрошеным присутствием – ведь когда я пришел, вы были уже здесь, господин, – но я так люблю это место. Здесь уединенно и море близко, а земля за спиною молчит; и здесь открываются мои глаза. Как ночная птица, я лучше вижу в темноте: день ослепляет меня. Ведь я вырос на море, господин.

– Нет, ты не мешаешь мне, Хаггарт. Но не мешаю ли я тебе? Тогда я могу уйти.

– Вы так вежливы, господин, – *бормочет Хаггарт.*

– Но я тоже люблю это место, – *продолжает печальный и важный голос.* – И мне также нравится, что за спиною моей холодный и спокойный гранит. Ты вырос на море, Хаггарт: скажи мне, что это за неяркий огонек направо?

– Это маяк святого Креста.

– Ага! Маяк святого Креста. Я этого не знал. Но разве такой неяркий огонь может помочь в бурю? Я смотрю, и мне все кажется, что он гаснет. Вероятно, это неправда.

Хаггарт говорит, сдержанно волнуясь:

– Вы пугаете меня, господин. Зачем вы спрашиваете то, что сами знаете лучше меня. Вы хотите меня искусить – ведь вы знаете все.

В печальном голосе нет улыбки – только печаль.

– Нет, я знаю мало. Я знаю даже меньше, чем ты, так как знаю больше. Прости за несколько запутанную фразу, Хаггарт, но язык так трудно поддается не только чувству, но даже мысли.

– Вы вежливы, – *бормочет Хаггарт взволнованно*, – вы вежливы и всегда спокойны. Вы всегда печальны и у вас тонкая рука с перстнями, и вы говорите как очень важное лицо. Кто вы, господин?

– Я тот, кого ты назвал: кому всегда печально.

– Когда я прихожу, вы уже здесь; когда я уйду, вы остаетесь. Отчего вы никогда не хотите уйти со мною, господин?

– У тебя одна дорога, Хаггарт, у меня другая.

– Я вижу вас только ночью. Я знаю всех людей вокруг поселка, и нет никого, кто был бы похож на вас. Иногда я думаю, что вы владелец того старого замка, где жил и я – тогда я должен вам сказать: замок раз-

рушен бурей.

– Я не знаю, о ком ты говоришь.

– Я не понимаю, откуда, но вы знаете мое имя: Хаггарт. Но я не хочу вас обманывать: хотя и жена моя Мариетт зовет меня так, но я сам выдумал это имя. У меня есть другое, настоящее имя, о котором здесь никто не слыхал.

– Я знаю и другое твое имя, Хаггарт. Я знаю и третье твое имя, которого ты сам не знаешь. Но едва ли стоит об этом говорить. Смотри лучше вот в эту черную глубину и расскажи мне о твоей жизни: правда ли, что она так радостна? Говорят, что ты всегда улыбаешься. Говорят, что ты самый смелый и красивый рыбак на всем побережье. И говорят еще, что ты очень любишь жену свою Мариетт.

– О, господин! – *воскликает Хаггарт сдержанно:* – Моя жизнь так печальна, что в самой этой черной глубине ты не нашел бы образа, подобного ей. О, господин! Так глубоки мои страдания, что в самой этой черной глубине ты не нашел бы места страшнее и глубже.

– О чем же печаль твоя и страдания твои, Хаггарт?

– О жизни, господин. Вот ваши благородные и печальные глаза смотрят туда же, куда и мои: в эту страшную темную даль. Скажите же мне: что движется там? Что покоится и ждет, безмолвствует и кричит, и

поет, и жалуется своими голосами? О чем эти голоса, которые тревожат меня и наполняют душу мою призраками печали и ни о чем не говорят? И откуда эта ночь? И откуда моя печаль? И вы ли это вздыхаете, господин, или в ваш голос вплетается вздох океана? – я плохо начинаю слышать, о, господин мой, мой милый господин!

Печальный отвечает голос:

– Это я вздыхаю, Хаггарт. Это твоей печали отвечает моя великая печаль. Ты видишь ночью, как ночная птица, Хаггарт: так взгляни же на тонкие руки мои, одетые перстнями – не бледны ли они? И на лицо мое взгляни – не бледно ли оно? Не бледно ли оно – не бледно ли оно?.. О, Хаггарт, мой милый Хаггарт!

Безмолвно тоскуют. Плескается, ворочаясь, тяжелый океан, плюет и фыркает, сопит спокойно. Сегодня он спокоен и один – как всегда.

– Передай Хаггарту... – *говорит печальный голос.*

– Хорошо. Я передам Хаггарту.

– Передай Хаггарту, что я люблю его.

Молчанье – и тихо звучит бессильный и жалобный упрек:

– Коли бы не был так строг ваш голос, господин, я подумал бы, что вы смеетесь надо мною. Разве я не Хаггарт, что еще должен передавать что-то Хаггарту? Но нет: иной смысл я чувствую в ваших словах, и вы

снова пугаете меня, господин. А когда боится Хаггарт, то это действительно страх. Хорошо: я передам Хаггарту все, что вы изволили сказать.

– Поправь мне плащ: мне холодно плечу. Но мне все кажется, что огонек этот гаснет. Маяк святого Креста – ты так назвал его, я не ошибаюсь?

– Да, так зовут его здесь.

– Ага! Так зовут его здесь.

Молчание.

– Мне надо уже идти? – спрашивает Хаггарт.

– Да, иди.

– А вы останетесь здесь?

– Я останусь здесь.

Хаггарт отступает на несколько шагов.

– Прощайте, господин.

– Прощай, Хаггарт.

Снова скрежещут камешки под осторожной ступою: не оглядываясь, взбирается Хаггарт на крутизну.

О какой великой печали говорит эта ночь?

Картина 5

– Твои руки в крови, Хаггарт. Кого ты убил, Хаггарт?

– Молчи, Хорре. Я убил того. Молчи и слушай – он сейчас начнет играть. Я уже стоял здесь и слушал, но вдруг так сжало сердце! – и я не мог уже оставаться один.

– Не мути мой разум, Нони, не искушай меня, я убегу отсюда. Ночью, когда я уже сплю, ты налетаешь на меня, как демон, хватаешь за шиворот, волочешь сюда – я ничего не понимаю. Скажи, мальчик, нужно спрятать труп?

– Да, да!

– Отчего же ты не бросил его в море?

– Тише! О чем ты болтаешь? Мне нечего бросать в море.

– Но руки твои в крови...

– Молчи, Хорре! Сейчас он начнет. Молчи и слушай, тебе я говорю: ты мне друг или нет, Хорре?

Тащит его ближе к темному окну церкви. Хорре бормочет:

– Какая темнота. Если ты поднял меня с постели для этой проклятой музыки...

– Да, да, для этой проклятой музыки.

– То ты напрасно нарушил мой честный сон. Я не

хочу музыки, Нони!

– Так! Или мне было бегать по улице, стучать в окна и кричать: эй, кто там живой! Идите помогать Хаггарту, станьте с ним против пушек.

– Ты что-то путаешь, Нони! Выпей джину, мальчик. Какие пушки?

– Тише, матрос.

Оттаскивает его от окна.

– Ох, ты треплешь меня, как шквал.

– Тише! Он, кажется, посмотрел на нас в окно: что-то белое мелькнуло за стеклом. Ты можешь засмеяться, Хорре: если бы он вышел сейчас, я закричал бы, как женщина.

Тихо смеется.

– Ты про Дана так говоришь? Я ничего не понимаю, Нони.

– Но разве это Дан? Конечно, это не Дан, это кто-то другой. Дай мне руку, матросик.

– Я думаю, что ты просто хлебнул лишнего, Нони, как тогда – помнишь, в башне? И рука у тебя дрожит. Но только тогда игра была другая...

– Тсс!..

Хорре, понижая голос:

– Но рука твоя, действительно, в крови... Ой, ты ломаешь мне пальцы!

Хаггарт угрожающе:

– Если ты не замолчишь, собака, я сломаю тебе каждую кость! Я вытяну из тебя каждую жилу, если ты не замолчишь – собака!

Молчание. Тихо стонет, будто жалуется, далекий прибой – далеко ушло море от черной земли. И ночь безмолвна. Пришла неведомо откуда и стала над землею; стала над землею и молчит; молчит и ждет чего-то. И дикие туманы колыхнулись ей навстречу – дыхнуло море призраками, гонит на землю стадо безголовых покорных великанов. Туман идет.

– Почему он не зажигает огня? – хмуро, но уже покорно спрашивает Хорре.

– Ему не нужно огня.

– Может быть, в церкви никого уже и нет?

– Есть.

– Поднимается туман. Какая тишина! Пахнет чем-то нехорошим – как ты думаешь, Нони?

– Тсс...

Первые тихие звуки органа. Сидит кто-то в темноте один и на непонятном языке говорит Богу о самом важном. И как ни слабы звуки – вдруг сразу исчезла тишина, колыхнулась ночь и всеми мириадами своих прозрачных глаз уставилась на темную церковь. Тревожный шепчет голос:

– Слушай. Он всегда так начинает. Сразу хватается за душу! Откуда у него сила? Он сразу берет за сердце.

– Мне не нравится.

– Слушай! Вот он притворяется Хаггартом. Хорре! Маленький Хаггарт на коленях у матери. Смотри: все руки полны золотыми лучами, маленький Хаггарт играет золотыми лучами. Смотри!

– Я не вижу, Нони. Пусти мою руку, мне больно.

– Вот он притворяется Хаггартом! Слушай.

Глухо звучат томительные аккорды. Хаггарт тихо стонет.

– О чем ты, Нони? Тебе больно?

– Да. Ты понимаешь, о чем он говорит?

– Нет.

– Он говорит о самом важном – о таком важном, Хорре, что если бы мы могли понять... Я хочу понять. Слушай, Хорре, слушай! Зачем он притворяется Хаггартом? – это не моя душа. Моя душа не знает этого.

– Чего, Нони?

– Не знаю. Какие ужасные сны в этой стране. Слушай. Вот! Теперь он будет плакать и скажет: это Хаггарт плачет. Он будет звать Бога и скажет: это Хаггарт зовет. Он лжет – Хаггарт не звал, Хаггарт не знает Бога.

Снова сдержанно стонет.

– Тебе больно?

– Да. Молчи.

Хаггарт сдержанно вскрикивает:

– Ох, Хорре!

– Да что с тобою, Нони?

– Да скажи же ему, что это не Хаггарт. Это ложь! – *торопливо шепчет Хаггарт.* – Он думает, что он знает, а он сам ничего не знает. Он маленький, дрянной старик с красными, как у кролика глазами, и его завтра слопают смерть. Ха! Он торгует бриллиантами, пересыпает их с руки на руку, как старый жид, а сам умирает от голоду. Обман, Хорре, обман! Давай громко говорить, Хорре, мы здесь одни.

Кричит, обращаясь к гремящему органу:

– Эй, музыкант! На твоих крыльях не может подняться и муха – самая маленькая муха не может подняться. Эй, музыкант! Давай твою дырявую шляпу, и я кину в нее грош – больше не стоит твоё лганье. Ты что болтаешь там о Боге, кроличьи глазки? – замолчи, мне стыдно тебя слушать. Клянусь, мне стыдно тебя слушать! Не веришь? Все зовешь? Куда?

– Бей их в лоб, Нони.

– Молчи, собака! Но какая ужасная страна: что делают в ней с человеческим сердцем. Какие ужасные сны в этой стране!

Умолкает. Торжественно поет орган.

– Отчего ты замолчал, Нони? – *тревожно спрашивает матрос.*

– Я слушаю. Хорошая музыка, Хорре. А разве я что-

нибудь говорил?

– Ты даже кричал, Нони, и меня заставил кричать с собою.

– Это неправда. Я все время молчу, ты, знаешь ли, я ведь даже ни разу не раскрывал рта! Тебе что-нибудь приснилось, Хорре. Может быть, ты думаешь, что ты возле церкви? Ты просто спишь на твоей постели, матрос. Это сон.

Хорре со страхом:

– Хлебни-ка джину, Нони.

– Не надо. Я уже хлебнул чего-то другого.

– Твои руки?

– Молчи, Хорре. Разве ты не замечаешь, что все молчит и слушает, и один ты болтаешь? А то ведь и музыкант может обидеться!

Тихо смеется. О торжественном примирении человека с Богом гудят созвучья медных труб. Густеет туман.

Громкий топот ног – кто-то тревожный пробегает по пустынной улице.

– Нони! – *шепчет матрос:* – Кто-то пробежал!

– Я слышу.

– Нони! Еще кто-то бежит. Дело неладно.

Мечутся среди ночи испуганные люди; удваивает шаги ночное эхо – удесятеряет их страх и кажется, будто весь поселок, охваченный ужасом, убегает ку-

да-то. Колеблясь, танцуя молчаливо, как на волнах, проплывает фонарь.

– Это его нашли, Хорре. Это убитого нашли, матрос! Я не выбросил его в море, я принес его и прислонил головою к двери его дома. Его нашли.

Еще проплывает, качаясь, фонарь. Точно услышав тревогу, сразу на высоком аккорде обрывает орган. Мгновенье тишины, пустоты жуткого ожидания – и всю ее заполняет до самых краев отчаянный женский вопль.

Туман густеет.

Картина 6

Чадит, догорая, масляная лампа; уже близко к расцвету. Большая, чистая, рыбацкая хижина; к потолку привешен кораблик, искусно сделанный – и даже паруса распущены. Стал он как-то невольно сосредоточием вниманья и все, кто говорит, молчит или слушает, смотря на него, изучают каждый уже знакомый парус. За темной занавеской труп Филиппа: эта хижина принадлежала ему.

Ждут Хаггарта – его пошли искать. На лавках вдоль стены расселись старые рыбаки, сложили руки на коленях, иные словно дремлют, иные покуривают трубки. Говорят вдумчиво и осторожно: как бы не сказать чего лишнего. Когда приходит новый запоздавший рыбак, он сперва смотрит за занавеску, потом молча втискивается в ряд; и кому не хватило места на лавке, те, видимо, чувствуют себя неловко.

Аббат грузно шагает по комнате, заложив руки за спину и опустив голову; если кто попадает на дороге, молча рукой отстраняет его. Молчит и судорожно хмурит брови. Изредка взглядывает на дверь или в окно, прислушивается.

Все только мужчины. Из женщин одна Мариетт:

она сидит за столом и неотступно, горящими глазами, следит за отцом. И тихо вздрагивает при каждом громком слове, звуке открываемой двери, далеких еще шагах.

Ночью пришел с моря туман и покрыл землю. И такая от тумана тишина, что слышны редкие, протяжные удары колокола: то на далеком маяке святого Креста предостерегают заблудившиеся в тумане корабли.

Чей-то голос в углу:

– По удару видно, что это не наш убил. У нас так не умеют бить. Он воткнул нож здесь, рванул сюда и почти отделил голову.

– Этого не сделаешь тупым ножом!

– Да. Этого не сделаешь и слабою рукою. Я раз видел в гавани убитого матроса: он был зарезан как раз так же.

Молчание.

– А где его мать? – спрашивает кто-то, кивая на занавеску.

– Ее отхаживает Селли. Селли взяла ее к себе.

Старый рыбак тихо спрашивает соседа:

– Тебе кто сказал?

– Меня разбудила Франсина. А тебе кто сказал, Марлэ?

– Кто-то постучал в окно.

– Кто постучал в окно?

– Не знаю.

Молчание.

– Как же ты не знаешь? Кто первый увидел?

– Кто-то проходил и увидел.

– Кому же у нас проходить? У нас некому проходить.

Рыбак с другого конца отзывается:

– У нас некому проходить. Расскажи-ка, Фома.

Фома вынимает трубку:

– Я сосед Филиппа, вот этого, – *показывает на занавеску.* – Да, да, вы все знаете, что я его сосед. А если кто не знает, то я опять-таки скажу, как на суде: я его сосед, вот тут рядом, – *оборачивается к окну.*

Входит пожилой рыбак и молча втискивается в ряд.

– Ну, что, Тибо? – *спрашивает аббат, останавливаясь.*

– А ничего.

– Не нашли Хаггарта?

– Нет. Такой туман, что они себя боятся потерять. Ходят и перекликаются, иные держатся за руки. И фонаря не видно в десяти шагах.

Аббат опускает голову и продолжает ходить. Старый рыбак говорит, ни к кому не обращаясь.

– Много теперь кораблей на море таращат глаза.

– Я шел как слепой, – *говорит Тибо*. – Слышно, как звонит святой Крест. Но он точно перебежал, звон доносится слева.

– Туман обманывает.

Старый Десфосо говорит:

– Этого у нас не было никогда! С тех пор, как Дюгамель багром разбил голову Жаку. Это было тридцать лет, сорок лет...

– Ты что говоришь, Десфосо? – *останавливается аббат*.

– Я говорю: с тех пор, как Дюгамель разбил голову Жаку...

– Да, да! – *говорит аббат и снова ходит*.

– Тогда еще Дюгамель сам бросился со скалы в море и разбился – вон когда это было. Сам так и бросился.

Мариетт вздрагивает и с ненавистью смотрит на говорящего. Молчание.

– Ты что рассказываешь, Фома?

Фома вынимает трубку:

– Больше ничего, как кто-то постучал ко мне в окно.

– Ты не знаешь, кто?

– Нет. Да и ты никогда, не узнаешь. Вот я и вышел, гляжу, а Филипп сидит у своей двери. Ну, я и не удивился: Филипп часто стал бродить по ночам с тех пор, как...

Нерешительно умолкает. Мариетт резко:

– С каких пор? Ты сказал: с тех пор?

Молчание. Отвечает Десфосо, прямо и тяжело:

– Как пришел твой Хаггарт. Рассказывай, Фома.

– Я ему и говорю: ты зачем стучишь, Филипп? Тебе что-нибудь надо? А он молчит.

– А он молчит?

– А он молчит. Так если тебе ничего не надо, иди-ка ты лучше спать, дружище – говорю я. А он молчит. Глянул я, а горло у него и перехвачено.

Мариетт вздрагивает и с ненавистью смотрит на говорящего. Молчание. Входит новый рыбак, глядит за занавеску и молча втискивается в ряды. Слышны за дверью женские голоса; аббат останавливается.

– Эй, Лебон! Прогони женщин, – *говорит он:* – им тут нечего делать, скажи.

Лебон идет.

– Погоди, – *останавливается аббат.* – Спроси, как его мать, ее отхаживает Селли.

Десфосо говорит:

– Ты говоришь, прогнать женщин, аббат. А твоя дочь? – она здесь.

Аббат смотрит на Мариетт, и та говорит:

– Я отсюда не пойду.

Молчание. Аббат снова шагает; смотрит на при-

вешенный кораблик и спрашивает:

– Это он делал?

Все смотрят на корабль.

– Он, – *отвечает Десфосо.* – Это он сделал, когда хотел плыть в Америку матросом. Тогда он все расспрашивал меня, как снастится трехмачтовый бриг.

Снова все смотрят на корабль, на его аккуратненькие паруса-лоскуточки. Входит Лебон.

– Не знаю, как тебе сказать, аббат. Женщины говорят, будто Хаггарта и его матроса ведут сюда. Женщины боятся.

Мариетт вздрагивает и переводит глаза на дверь; аббат останавливается:

– Ого, уже светает, туман синеет! – *говорит один рыбак другому, но голос его срывается.*

– Да. Отлив начался, – *отвечает тот глухо.*

Молчание – и в молчании звучат нестройные шаги идущих. Несколько молодых рыбаков с возбужденными лицами вводят связанного Хаггарта и за ним проталкивают Хорре, также связанного, Хаггарт спокоен; у матроса, как только его связали, появилось что-то свободно-хищное в движениях, в хватке, в остроте бегающего взора.

Один из приведших Хаггарта тихо говорит аббату:

– Он был около церкви. Мы десять раз проходили

мимо и не видели никого, пока он сам не позвал: вы не меня ищете? Такой туман, отец.

Аббат молча кивает головой и садится. Мариетт бледными губами улыбается мужу, но тот не смотрит на нее – так же, как и все, он удивленно уставился глазами на игрушечный кораблик.

– Здравствуй, Хаггарт, – говорит аббат.

– Здравствуй, отец.

– Это ты мне говоришь: отец?

– Тебе.

– Ты ошибся, Хаггарт. Я тебе не отец.

Рыбаки одобрительно переглядываются.

– Ну, тогда здравствуй, аббат, – с внезапным равнодушием говорит Хаггарт и снова с интересом рассматривает кораблик.

Хорре бормочет:

– Так, так держись, Нони.

– Кто делал эту игрушку? – спрашивает Хаггарт, но не получает ответа.

– Здравствуй, Гарт! – говорит Мариетт, улыбаясь. – Это я, твоя жена, Мариетт. Дай, я развяжу тебе руки.

С улыбкой, делая вид, что не замечает кровавых пятен, распутывает веревки. Все молча смотрят на нее; смотрит и Хаггарт на ее склоненную тревожную голову.

– Благодарю, – *говорит он, расправляя руки.*

– Хорошо бы и мне развязать руки, – *говорит Хорре, но не получает ответа.*

Аббат. Хаггарт, это ты убил Филиппа?

Хаггарт. Я.

Аббат. Не скажешь ли ты, – эй, ты, Хаггарт! – что ты сам своей рукою убил его? Может быть, ты сказал матросу: матрос, пойдя, убей Филиппа, и он это сделал, так как любит тебя и чтит, как начальника? Может быть, так вышло дело? – скажи, Хаггарт. Я называл тебя сыном, Хаггарт.

Хаггарт. Нет, я не приказывал матросу. Я сам своею рукою убил Филиппа.

Молчание.

Хорре. Нони! Скажи-ка им, чтобы развязали мне руки и отдали трубку!

– Не торопись! – *гремит поп.* – Побудешь и связанным, пьяница! И бойся развязанной веревки, как бы не свернулась она петлей.

Но, следуя какому-то неуловимому движению или взгляду Хаггарта, Мариетт подходит к матросу и распутывает узлы. И снова все молча смотрят на ее склоненную, тревожную голову. Потом переводят глаза на Хаггарта – как смотрели прежде на кораблик, так теперь на него.

И сам он позабыл об игрушке – словно очнувшись,

обводит взором рыбаков, долго глядит на темную занавеску.

Аббат. Хаггарт, это тебя я спрашиваю. Кто принес тело Филиппа?

Хаггарт. Я. Это я принес его и посадил у двери, головой к двери, лицом к морю. Это было трудно, так как он все падал. Но это сделал я.

Аббат. Зачем ты сделал так?

Хаггарт. Не знаю, наверное. Я слышал, что у Филиппа есть мать, старуха и я подумал, что так будет приятнее им обоим – и ему и матери.

Аббат (сдержанно). Ты смеешься над нами?

Хаггарт. Нет. Почему ты думаешь, что я смеюсь? Мне совсем не смешно, как и вам. Это он, Филипп, сделал кораблик?

Никто не отвечает. Мариетт говорит, вставая и через стол наклоняясь к Хаггарту:

– Ты не сказал ли так, Хаггарт: мой бедный мальчик! Я убил тебя, потому что должен был убить, а теперь я отнесу тебя к матери, мой милый мальчик.

– Это очень печальные слова. Кто подсказал их тебе, Мариетт? – *удивленно спрашивает Хаггарт.*

– Я слышала их. И не сказал ли ты дальше: мать, вот я принес тебе твоего сына и у твоей двери посадил его: возьми твоего мальчика, мать.

Хаггарт молчит.

– Не знаю, – *с горечью гудит аббат*: – не знаю, у нас никто не убивает, и мы не знаем, как это делается. Может быть, так и надо: убить и убитого принести к порогу матери... Ты что смотришь на меня, рожа?

Хорре (*грубо*). И – по-моему – его надо было бросить в море. Ваш Хаггарт с ума сошел, я давно говорю это.

Вдруг старый Десфосо кричит при гуле одобрения остальных:

– Ты молчи! Его мы отправим в город, а тебя сами повесим, как кошку, хоть ты и не убивал.

– Тише, старик, тише! – *останавливает аббат, пока Хорре с молчаливым презрением смотрит поверх голов*. – Хаггарт, я спрашиваю тебя: за что ты отнял жизнь у Филиппа? Она была ему нужна, как тебе твоя.

Хаггарт. Он был женихом Мариетт – и...

Аббат. Ну?

Хаггарт. И... Не хочу говорить. Зачем вы раньше не спросили, пока он был жив? Теперь я убил его.

– Но... – *говорит аббат и в тяжелом голосе его звучит мольба*: – может быть, ты уже раскаиваешься, Хаггарт? Ты славный человек, Гарт, я тебя знаю, ты трезвый не можешь обидеть и мухи. Может быть, ты хлебнул лишнего, это бывает с молодыми людьми, и Филипп что-нибудь сказал тебе, а ты...

– Нет.

– Нет? Ну, нет, так нет – верно, дети? А может быть, на тебя что-нибудь нашло, ведь это тоже бывает с людьми: вдруг найдет на человека красный туман, завоюет в сердце зверь и... Тут достаточно и слова, чтобы...

– Нет, Филипп ничего мне не говорил. Он проходил по дороге, когда я выскочил из-за большого камня и всадил нож ему в горло. Он не успел даже испугаться. Но если хотите... – *Хаггарт нерешительно обводит глазами рыбаков*, – мне немного жаль его. То есть, так, совсем немного. Это он делал игрушку?

Аббат угрюмо опускает голову. И снова кричит Десфосо при одобрительных кивках остальных.

– Нет! Ты спроси его, аббат, что делал он у церкви. Дан видел их в окно. Не скажешь ли ты, что с твоим проклятым матросом не был у церкви. Что ты там делал, говори?

Хаггарт пристально смотрит на вопрошающего и медленно говорит:

– Я разговаривал с дьяволом.

Сдержанный гул. Аббат вскакивает с места и гневно ревет:

– Так пусть же он сядет на твою шею. Эй, Пьер, Жюль, свяжите его покрепче до утра. И того, этого, что с ним! А утром – утром отведите его в город к судьям. Я не знаю их проклятых городских законов, – *в отча-*

янии кричит аббат, – но тебя там повесят, Хаггарт! Ты будешь болтаться на веревке, Хаггарт!

Хорре отталкивает грубо молодого рыбака, подошедшего к нему с веревкой, и тихо говорит Десфосо:

– Важное дело, старичок. Отойди-ка на минутку – не нужно, чтобы он слышал, – *кивает на Хаггарта.*

– Я тебе не верю.

– И не надо. Это я так, Нони, дельце тут одно есть. Пойдем, пойдем, да не бойся – ножа у меня нет!

Отходят в сторону и шепчутся. Хаггарт молча ждет, чтобы его связали, но никто не подходит. И все вздрагивают, когда вдруг громко начинает Мариетт:

– Ты, может быть, думаешь, что все это справедливо, отец? А почему же ты не спросишь меня: ведь я его жена. Ты не веришь, что я его жена? Тогда я принесу маленького Нони. Вы хотите, чтобы я принесла маленького Нони? Он спит, но я разбужу его. Раз в жизни он может проснуться среди ночи, чтобы сказать, что вот этот, которого вы хотите повесить в городе, его отец?

– Не надо, – *говорит Хаггарт.*

– Хорошо, – *покорно отвечает Мариетт.* – Он приказывает, и я должна подчиниться – ведь он мой муж. Пусть спит маленький Нони. Но я-то ведь не

сплю, я-то ведь здесь. Отчего же вы не спросите меня: Мариетт, как могло случиться, чтобы твой муж, Хаггарт, убил Филиппа?

Молчание. Решает вернувшийся, чем-то взволнованный, Десфосо:

– Пусть скажет. Она его жена.

– Ты не поверишь, Десфосо, – *говорит Мариетт с нежной и печальной улыбкой, обращаясь к старому рыбаку*, – ты не поверишь, Десфосо, какие мы, женщины, странные и смешные существа!

Обращаясь ко всем с тою же улыбкой:

– Вы не поверите, какие у нас женщин, бывают странные желания, такие хитрые, маленькие злые мысли. Ведь это я уговорила мужа убить Филиппа! Да, да – он не хотел, но я уговорила его, я так плакала и грозила, что он согласился. Ведь мужчины всегда соглашаются – не правда ли, Десфосо?

Хаггарт, сдвинув брови, в крайнем недоумении смотрит на жену. Та продолжает, не глядя на него все с тою же улыбкой:

– Вы спросите: зачем же мне нужна была смерть Филиппа? Да, да – вы спросите, это я знаю. Ведь он никогда не делал мне зла, этот бедный Филипп, не правда ли? Ну, так я вам скажу: он был мой жених. Я не знаю, поймете ли вы меня. Ты, старый Десфосо – ты не станешь убивать девушку, которую ты поцело-

вал однажды? Конечно, нет. Но мы, женщины, такие странные существа – вы даже не можете представить, какие мы странные, темные, смешные существа. Филипп был мой жених и целовал меня...

Вытирает рот и продолжает со смехом:

– Вот я и теперь вытираю рот. Вы все видели, как я вытирала рот? Это я стираю поцелуи Филиппа. Вы смеетесь? Но спроси твою жену, Десфосо, хочет ли она жизни того, кто целовал ее до тебя? Спроси всех женщин, которые любят, даже старух – даже старух! в любви мы не стареем никогда. Уж такие мы родились – женщины.

Хаггарт почти верит. Ступив на шаг вперед, он спрашивает:

– Ты меня уговаривала? Может быть, это правда, Мариетт: я не помню.

Мариетт со смехом:

– Вы слышите, он забыл. Поди прочь; Гарт: не скажешь ли ты еще, что это ты сам придумал? Вот какие вы, мужчины, вы все забываете. Не скажешь ли ты еще, что я...

– Мариетт! – *угрожающе говорит Хаггарт.*

Мариетт, бледная и с тоскою глядя в страшные вдруг надвинувшиеся глаза, но все еще с улыбкой:

– Поди прочь, Гарт! Не скажешь ли ты еще, что я... не скажешь ли ты еще, что я отговаривала тебя?

Вот... будет... смешно...

Хаггарт. Нет, скажу. Ты лжешь, Мариетт! Даже я, Хаггарт, вы подумайте, люди – даже я поверил, так искусно лжет эта женщина.

Мариетт. Поди... прочь... Хаггарт...

Хаггарт. Ты еще смеешься? Аббат, я не хочу быть мужем твоей дочери: она лжет.

Аббат. Ты хуже дьявола, Гарт! Вот что тебе скажу – ты хуже дьявола, Гарт!

Хаггарт. Ну, и безумные же вы люди! Я вас не понимаю, я уже не знаю, что мне делать с вами: смеяться? сердиться? плакать? Вам хочется отпустить меня – почему же вы не отпускаете? Вам жаль Филиппа – ну, убейте меня, ведь я же сказал: это я убил мальчишку. Разве я с вами спорю? Но вы кривляетесь как обезьяна, нашедшая банан – или это такая игра в вашей стране? Тогда я не хочу играть. А ты, аббат, совсем как фокусник на базаре: и в одной руке у тебя правда, и в другой руке у тебя правда, и все ты делаешь фокусы. А теперь она еще лжет – так хорошо, что сердце сжимается от веры. Ну, уж и хорошо!

Горько смеется.

Мариетт. Прости меня, Гарт.

Хаггарт. Когда я хотел убить, она висела на руке, как камень, а теперь говорит – это я убила. Крадет у меня убийство, не знает, что это тоже нужно зарабо-

тать. Ну, и дикие же люди в вашей стране!

Мариетт. Я хотела обмануть их, но не тебя, Гарт. Тебя я хотела спасти.

Хаггарт. Мой отец учил меня: эй, Нони, смотри! Одна правда и один закон у всех: и у солнца, и у ветра, и у волн, и у зверя – и только у человека другая правда. Бойся человеческой правды, Нони! – так говорил отец. Может быть, это и есть ваша правда? Тогда я не боюсь ее, но мне очень горько и очень печально, Мариетт: если бы ты отточила нож и сказала: пойди, убей этого – мне, пожалуй, и не захотелось бы убивать. Зачем срезать сухое дерево? – сказал бы я тогда. А теперь – прощай, Мариетт! Ну, вяжите же меня и ведите в город.

Надменно ждет, но никто не подходит. Мариетт опустила голову на руки, плечи ее вздрагивают; задумался и аббат, опустив большую голову. Десфосо о чем-то горячо шепчется с рыбаками. Выступает Хорре и говорит, искоса поглядывая на Хаггарта.

– Я уже немного поговорил с ними, Нони, они ничего, они хорошие ребята. Нони. Вот только поп, но и он хороший человек – верно, Нони? Да не косись ты на меня так, а то я перепутаю! Вот какая, ведь, вещь, добрые люди: мы с этим, с Хаггартом, прикопили малую толику деньжонок, этакий бочоночек с золотом... Нам ведь оно не нужно, Нони? Может быть, вы возь-

мете его себе? Как ты думаешь: отдать им золото, Нони? Вот я и запутался.

Хитро подмаргивает поднявшей голову Мариетт.

Аббат. Ты что болтаешь, рожа?

Хорре. Вот оно и идет, Нони, налаживается понемногу! Только куда мы его зарыли, бочонок-то? Ты не помнишь, Нони – я что-то позабыл. Это, говорят, от джину: память, говорят, слабеет от джину, добрые люди. Пьяница я, это верно.

Аббат. Если ты не сочиняешь, то подавиться бы тебе твоим золотом, пес!

Хаггарт. Хорре!

Хорре. Есть.

Хаггарт. Завтра тебе дадут сто палок. Аббат! вели завтра дать ему сто палок!

Аббат. С наслаждением, сын мой, с наслаждением.

Движения рыбаков все также медленны и как будто вялы; но что-то новое прорывается – в усиленном пыхтении трубок, в легком дрожании загорелых морщинистых рук. Некоторые встали и как бы равнодушно смотрят в окно.

– Туман-то идет! – *говорит один, глядя в окно.* – Ты слышишь, что я говорю про туман?

– Пора бы и спать. Это я говорю – пора бы и спать!

Десфосо (*осторожно*). Оно не совсем так, аббат.

Будто не совсем то ты говоришь, что надо, аббат? Вот они как будто по-другому... я ведь ничего не говорю такого, я вот только про них. Ты что говоришь, Фома?

Фома. Спать надо, говорю я. Разве это неправда, что пора спать?

Мариетт (*тихо*). Сядь, Гарт. Ты устал сегодня. Ты не отвечаешь?

Старый рыбак. В нашей стране, слышал я, был такой обычай: за убитого платить пеню. Ты не слышал ли, есфосо?

Чей-то голос: Филипп-то убит. Убит уже Филипп, слышишь, сосед? Кто будет кормить его мать?

– У меня и для своих мало! А туман-то все идет, сосед.

Десфосо. Ты слышал ли, аббат, чтобы мы говорили: Гарт плохой человек, Гарт сорванец, городской шаркарь? Нет, мы сказали: этого у нас никогда не бывало.

Решительный голос:

– Гарт хороший человек! Дикий Гарт хороший человек.

Десфосо. Ведь если покопать, аббат, так у нас крепкого баркаса, пожалуй, и не найдешь. На мой-то уж и смолы не хватает. Да и церковь – разве такая бывает хорошая церковь? Это не я говорю, а так оно выходит, с этим ничего не поделаешь, аббат.

Хаггарт. Ты слышишь, женщина?

Мариетт. Да, слышу.

Хаггарт. Отчего ты не плюнешь им в лицо?

Мариетт. Я не могу. Я люблю тебя, Хаггарт. Десять ли только заповедей у Бога? Нет, есть еще одна: я люблю тебя, Хаггарт.

Хаггарт. Какие печальные сны в вашей стране!

Аббат, вставая и подходя к рыбакам:

– Ну-ка, ну-ка. Ты что говоришь про церковь, стари-на? Ты что-то любопытное сказал про церковь, или я ослышался?

Быстро взглядывает на Мариетт и Хаггарта.

– Да и не одна церковь, аббат. У нас четыре стари-ка: Легран, Штоффле, Пуассар, Корню, да семь старух... Разве я говорю, что мы не будем их кормить? Конечно, будем, но только сердись, не сердись, отец – а тяжело! Ты сам это знаешь, аббат, ноги-то у тебя стонут не от пляски.

– Я тоже старик! – *шамкая, начинает старый Рик-ке, но вдруг гневно бросает шляпу на пол:* – Да, старик. Не хочу больше, вот и все! Работал, а теперь не хочу. Вот и все! Не хочу!

Выходит, размахивая рукою. Все сочувственно провожают глазами его согнутую, жалкую стари-ковскую спину, белые косички волос. И снова смотрят на Десфосо, на его рот, откуда выходят ихние слова. Чей-то голос:

– Вот и Рикке не захотел.

Все тихо и напряженно смеются:

– Ну, и отошлем мы Гарта в город, а дальше что? – *продолжает Десфосо, не глядя на Хаггарта.* – Ну, и повесят его городские – а дальше что? А дальше то, что еще одного человека не будет, одного рыбака не будет, сына у тебя не станет, а у Мариетт мужа, а у мальчишки отца. Так разве это радость?

– Так, так! – *одобрительно кивает аббат:* – Ну и голова же у тебя, Десфосо!

Хаггарт. Ты их слушаешь, аббат?

Аббат. Да, я их слушаю, Хаггарт. Да и тебе не мешало бы их послушать. У дьявола гордости-то еще побольше твоей, а все-таки он только дьявол и больше ничего.

Десфосо подтверждает:

– Зачем гордость? Гордости не надо.

Оборачивается к Хаггарту – все еще не поднимая глаз; затем поднимает, спрашивает:

– Гарт! А больше никого тебе не надо убивать? Кроме Филиппа-то – тебе больше никого не хочется убивать?

– Нет.

– Значит, одного Филиппа, а больше никого. Вы слышали: одного Филиппа, а больше никого. А еще, Гарт, тебе не хочется отослать вот этого, Хорре? Нам

бы хотелось. Кто его знает, но только люди говорят, что все это от него.

Голоса:

– От него. Отошли-ка его, Гарт! Там ему лучше будет.

Аббат скрепляет:

– Верно!

– Ну, вот и ты, поп! – *говорит Хорре угрюмо. Хаггарт с легкой усмешкой смотрит на его сердитое взъерошенное лицо и соглашается:*

– Немного хочется, пожалуй. Пусть уходит.

– Так вот, аббат, – *говорит Десфосо, оборачиваясь,* – мы значит и порешили по совести нашей, какая у нас есть: денежки взять. Так ли я говорю?

Одинокий голос за всех:

– Так.

Десфосо. Ну-ка, матрос, где денежки?

Хорре. Капитан?

Хаггарт. Отдай.

Хорре (грубо). Ну, так сперва мой нож и трубку отдайте! Кто у вас старший, ты? Так слушай: возьмите вы ломы и лопаты и ступайте к замку. Знаешь ту башню, что завалилась, проклятая? Так подойди ты...

Присаживается на корточки и корявым пальцем чертит на полу карту. Все, наклонившись, внимательно смотрят; один аббат угрюмо уставился в

окно, за которым все еще сереет тяжелый морской туман. Хаггарт бурно шепчет:

– Лучше бы ты убила меня, Мариетт, как я убил Филиппа. А теперь меня позвал отец – где же будет конец печали моей, Мариетт? Там, где конец мира? А где конец мира? Хочешь взять мою печаль, Мариетт?

– Хочу, Хаггарт.

– Нет, ты женщина.

– За что ты мучаешь меня, Гарт? Что я сделала такое, чтобы так мучить меня. Я люблю тебя.

– Ты солгала.

– Это язык мой солгал. Я люблю тебя.

– У змеи раздвоенный язык, но спроси ее, чего она хочет, и она скажет правду. Это сердце твое солгало. Не тебя ли, девочка, встретил я тогда на дороге? И ты сказала: добрый вечер. Как ты обмахнула меня!

Десфосо (*громко*). А ты что же, аббат? Ты идешь с нами, не так ли, отец? А то не вышло бы чего плохого. Так я говорю?

Аббат (*весело*). Конечно, конечно, детки. Я с вами – кто же без меня позаботится о церкви! Это я сейчас о церкви думал: какую вам нужно церковь. Ох, трудно с вами, люди!

Рыбаки, один за другим, крайне неторопливо выходят – стараются медлить.

– Море-то идет, – *говорит один.* – Уже слышно!

– Да, да, море-то идет! А ты понял, что он рассказывал-то.

Но чем меньше их остается, тем торопливее движения. Некоторые вежливо прощаются с Хаггартом.

– Прощай, Гарт.

– Вот я и думаю, Хаггарт, какая нужна церковь. Это-то, оказывается, не годится. Сто лет молились, теперь не годится, так они говорят. Ну, что же, нужно значить, новую, получше. Какую вот только? Папа – плут, папа – плут. Да и я плут. Тебе не кажется, Гарт, что я немного плут? Я сейчас, детки, за вами. Папа – плут...

В дверях маленькая давка. Аббат провожает глазами последнего и гневно ревет:

– Эй, ты, Хаггарт, убийца! Ты что-то там улыбаешься? – так ты не смеешь их презирать. Они мои дети. Они работали – ты видишь их руки, их спины? Если не видал, то ты дурак! Они устали. Они хотят отдохнуть. И пусть отдохнут, хотя бы на крови вот этого, которого ты зарезал. Я дам им понемногу, а остальные выброшу в море – слышишь, Хаггарт?

– Слышу, поп.

Аббат восклицает, поднимая руки:

– Господи! Зачем же ты дал такое сердце, которое может жалеть убитого и убийцу? Гарт, иди домой. Веди его домой, Мариетт – да руки ему вымой!

– Кому ты лжешь, поп? – *медленно спрашивает Хаггарт.* – Богу или дьяволу? Себе или людям? Или всем?

Горько смеется:

– Эй, Гарт! Ты пьян от крови.

– А ты отчего?

Становятся друг против друга. Мариетт гневно кричит, становясь между ними:

– Пусть бы на вас обоих грянул гром, вот о чем молю я Бога. Пусть бы грянул гром! Что вы делаете с моим сердцем? Вы рвете его зубами, как жадные собаки. Ты мало пил крови, Гарт, – так пей мою. Ведь ты никогда не будешь сыт, не правда ли, Гарт?

– Ну, ну, – *успокоительно говорит аббат.* – Веди его домой, Мариетт. Иди домой, Гарт, да спи побольше.

Выходит. Мариетт отходит к двери и останавливается.

– Гарт! Я иду к маленькому Нони.

– Иди.

– Ты идешь со мною?

– Да. Нет. Потом.

– Я иду к маленькому Нони. Что мне сказать ему об отце, когда он проснется?

Хаггарт молчит. Входит Хорре и нерешительно останавливается у порога. Мариетт окидывает

его презрительным взглядом и выходит. Молчанье.

Хаггарт. Хорре!

Хорре. Есть.

Хаггарт. Джину!

Хорре. Есть, Нони. Выпей, мальчик, но только не сразу, не сразу, Нони.

Хаггарт пьет. Потом с улыбкой осматривает комнату.

– Никого. Ты видел его, Хорре? Он там за пологом. Ты подумай, матросик: вот и опять мы с ним одни.

– Иди-ка домой, Нони!

– Сейчас. Дай джину.

Пьет.

– А что они? Пошли?

– Побежали, Нони. Иди-ка домой, мальчик. Побежали, как козы – я уж так смеялся, Нони.

Оба смеются.

– Сними-ка мне вот эту игрушку, Хорре. Да, да, кораблик. Это он делал, Хорре.

Рассматривает игрушку.

– Смотри, как искусно сделан кливер, Хорре. Молодец Филипп. Но фалы плохи, погляди. Нет, Филипп. Не видал ты, как снастятся настоящие корабли, которые рыскают по океану, рвут его седые валы. Не этой ли игрушкой хотел ты утолить твою маленькую жажду, глупец!

Бросает кораблик и встает.

– Хорре! Боцман!

– Есть.

– Призови тех. Я снова беру командование, Хорре.

Матрос бледнеет и кричит восторженно.

– Нони! Капитан! У меня колени трясутся. Я не дойду и упаду на дороге.

– Дойдешь! И ведь нужно же отнять у этих наши деньги, как ты думаешь, Хорре? Поиграли и довольно – как ты полагаешь, Хорре?

Смеется. Молитвенно сложив руки, смотрит на него матрос и плачет.

Картина 7

– ...Это твои товарищи, Хаггарт? Я так рада видеть их. Ты говорил, Гарт, да, ты говорил, что у них совсем другие лица, чем у наших, и это правда. О, какая это правда. У наших тоже красивые лица – вы не подумайте, что наши рыбаки безобразны – но у них нет этих глубоких страшных шрамов. Мне они очень нравятся, уверяю тебя, Гарт... Вы, вероятно, друг Хаггарта у вас такие строгие, славные глаза?.. Но вы молчите? Отчего они молчат, Хаггарт, ты не велел им говорить? И отчего ты сам молчишь, Хаггарт – Хаггарт!

Озаренный бегучим светом факелов, стоит Хаггарт и слушает бесстрастно торопливую, взволнованную речь. Тревожно поблескивает металл оружия и одежды; играет огонь и на лицах тех, что безмолвным кольцом окружают Хаггарта – его близкие, его друзья. А в отдалении другая игра: там молча пляшет большой корабль и бросает на черные волны свои огни, и черная вода играет ими – заплетает, как косу, гасит и снова зажигает.

Говорливый шум и плеск – и жуткое безмолвие чем-то скованных родных человеческих уст.

– Я слушаю тебя, Мариетт, – *говорит наконец Хаггарт.* – Чего надо тебе, Мариетт? Этого не может

быть, чтобы кто-нибудь обидел тебя, я не велел им касаться твоего дома.

– О, нет, Хаггарт, нет: меня никто не обидел! – *весело восклицает Мариетт*. – Но тебе не нравится, что я держу в руках маленького Нони? – тогда я положу его вот здесь между скал. Тут ему будет тепло и уютно, как в люльке. Вот так! Не бойся разбудить его, Гарт, он спит крепко и ничего не услышит. Можно кричать, петь, стрелять из пистолета... у мальчишки такой славный сон!

– Чего надо тебе, Мариетт? Я не звал тебя сюда и мне не нравится, что ты пришла.

– Конечно, ты не звал меня сюда, Хаггарт, да конечно же! Но когда начался пожар, я подумала: теперь мне светло идти, теперь я не споткнусь и я пошла. Твои друзья не обидятся, Хаггарт, если я попрошу их немного отойти? Мне нужно кое-что сказать тебе, Гарт... конечно, это нужно было сделать раньше, я понимаю, Гарт, но я вспомнила только теперь. Идти было так светло.

Хаггарт говорит угрюмо:

– Отойди, Флерио, и вы с ним отойдите.

Те отходят.

– Что же такое ты вспомнила, Мариетт? Говори! Я навсегда уйду из нашей печальной страны, где снятся такие тяжелые сны, где даже камни грезят печа-

лю. И я все забыл.

Нежно и покорно, ища защиты и ласки, припадает женщина к его руке.

– О, Хаггарт, о, милый мой Хаггарт! Они ведь не обиделись, что я так грубо попросила их уйти? О, милый мой Хаггарт! Твой галун царапает мне щеку, но это так приятно. Ты знаешь, мне всегда не нравилось, что ты носишь одежду наших рыбаков, это было так не к лицу тебе, Хаггарт. Но я все болтаю, и ты сердисься, Гарт. Прости меня!

– Встань с колен!

– Это я только так, на минутку. Вот я встала. Ты спрашиваешь, чего я хочу? Вот чего я хочу: возьми меня с собою, Хаггарт. Меня и маленького Нони, Хаггарт!

Хаггарт отступает:

– Это ты говоришь, Мариетт, чтобы тебя я взял с собой? Ты, может быть, смеешься, женщина? Или я снова вижу сон?

– Да, это я говорю: возьми меня с собою. Это твой корабль? Какой он большой и красивый, и он ходит на черных парусах, я знаю это. Возьми меня на твой корабль, Гарт. Ты скажешь: я знаю: у вас нет женщин на корабле, но я не буду женщиной: я буду твоей душой, Хаггарт, я буду твоей песней, твоими мыслями, Хаггарт! И если это так нужно: пусть Хорре поит джи-

ном маленького Нони – он здоровый мальчик.

– Эй, Мариетт! – *грозно говорит Хаггарт*: – Ты не хочешь ли, чтобы я снова поверил тебе – эй, Мариетт? Не болтай о том, чего ты не знаешь, женщина. Или это камни колдуют и дурманят мою голову? Ты слышишь шум и как бы голоса? – это море ждет меня. Так не держи мою душу. Пусти ее, Мариетт.

– Молчи, Хаггарт! Я все знаю. Как будто не по огненной дороге я пришла, как будто не кровь я видела сегодня. Молчи, Хаггарт! Но я видела другое, и это было еще страшнее, Хаггарт. О, если бы ты меня понял. Я видела трусливых людей, которые бежали, не защищаясь. Я видела цепкие жадные пальцы, скрюченные как у птиц, – как у птиц, Гарт! – и из этих пальцев, разжимая их, вынимали золото. И вдруг я увидела мужчину, который плакал – ты подумай, Хаггарт! У него брали золото, а он плакал.

Злобно смеется. Хаггарт делает шаг к ней и кладет тяжелую руку ей на плечо:

– Так, так, Мариетт. Говори дальше, девочка, пусть море подождет.

Мариетт снимает руку и продолжает:

– Ну, уж нет! – подумала я. – Уж это вовсе не мои братья! подумала я и засмеялась. А отец кричит трусам: берите багры и бейте их, а они бегут. Отец такой славный человек!

– Отец славный человек, – *радостно подтверждает Хаггарт.*

– Такой славный человек! А тут один матрос слишком близко наклонился к Нони – может быть, он и ничего не хотел сделать дурного, но он слишком близко наклонился и я выстрелила в него из твоего пистолета. Это ничего, что я выстрелила в нашего матроса?

Хаггарт хохочет:

– У него была смешная рожа! Ты убила его, Мариетт.

– Нет. Я не умею стрелять. И это он сказал мне, где ты. О, Хаггарт, о мой брат!

Всхлипывает – и говорит гневно с отголоском змеиного шипа в ползущем голосе:

– Я ненавижу их! Их еще мало мучили; я мучила бы их еще больше, еще больше. О, какие же они трусливые негодяи! Послушай, Хаггарт: я всегда боялась твоей силы, в ней всегда было для меня что-то непонятное и страшное. Где его Бог? – думала, и мне было страшно. Еще сегодня утром я боялась, а вот пришла ночь, и пришел этот ужас, и по огненной дороге я прибежала к тебе: я иду с тобою, Хаггарт. Возьми меня, Хаггарт: я буду душой твоего корабля!

– Душа моего корабля – я, Мариетт. Но ты будешь песней моей освобожденной души, Мариетт. Песней моего корабля будешь ты, Мариетт. Ты знаешь, куда

мы пойдём? Мы пойдём искать край света, неведомые страны, ещё неведомых чудовищ. А по ночам нам будет петь отец-океан, Мариетт!

– Обними меня, Хаггарт. Ах, Хаггарт, тот не Бог, кто делает людей трусами! Мы пойдём искать нового Бога.

Хаггарт шепчет бурно:

– Я лгал, что я все забыл – этому я научился в вашей стране. Я люблю тебя, Мариетт, как огонь. Эй, Флерио, товарищ!

Кричит радостно:

– Эй, Флерио, товарищ! приготовил ли ты салют?

– Приготовил, капитан. Берега вздрогнут, когда зашепчут наши малютки.

– Эй, Флерио, товарищ! Не скаль зубы, не кусая – тебе не будут верить. Положил ли ты ядер, круглых, чугунных хороших ядер? Дай им крылья, товарищ – пусть черными птицами разлетятся по берегу и морю.

– Есть, капитан.

Хаггарт смеется:

– Я люблю думать, как летит ядро, Мариетт. Я так люблю следить его невидимый полет. А если кто подвернется – пусть! так бьет сама судьба. Что цель? Только глупцы нуждаются в цели, а дьявол, зажмурившись, бросает камни – так веселее мудрая игра... Но ты молчишь – о чем ты думаешь, Мариетт?

– Я думаю о тех. Я все думаю о тех.

– Тебе их жаль? – *хмурится Хаггарт.*

– Да, мне их жаль. Но моя жалость – моя ненависть, Хаггарт. Я ненавижу их, и я убила бы их еще, еще!

– Мне хочется поскорее лететь – такая у меня свободная душа. Давай шутить, Мариетт. Вот загадка, отгадай: для кого сейчас рывкнут пушки? Ты думаешь для меня. Нет. Для тебя? Нет, нет, да нет же, Мариетт! Для маленького Нони, вот для кого, для маленького Нони, который сегодня вступает на корабль. Пусть проснется при громе – вот удивится наш маленький Нони! А теперь тише, тише, не мешай ему спать, не порти пробуждения маленькому Нони.

Шум, голоса – приближается толпа.

– Где капитан?

– Здесь. Стой, капитан здесь!

– Все кончено. Их можно класть в корзину, как сельдей.

– Наш боцман молодец! Веселый человек.

Хорре, веселый и пьяный, кричит:

– Тише, черти! Или вы не видите, что здесь капитан? Кричат, как чайки наддохлым дельфином.

Мариетт отходит в сторону на несколько шагов туда, где спит маленький Нони.

Хорре. Вот мы и явились, капитан. Потерь нету, капитан. Ну, уж и смеялись же мы, Нони!

Хаггарт. Ты что-то рано напился, Хорре. Говори, о дьявол!..

Хорре. Есть! Дело сделано, капитан. Наши деньги мы все собрали, не хуже королевских сборщиков податей. Я не мог отличить, какие деньги наши и собрал все. Ну, а уж если какое золото они закопали, то, прости, капитан, мы не мужики, чтобы пахать.

Смех. Смеется и Хаггарт.

– Пусть сеют, мы пожнем.

– Золотые слова, Нони. Эй, Томми, слушать, что говорит капитан. И вот еще: сердись, не сердись, а музыку я разбил, раструсил на кусочки. Покажи трубку, Тэтью! Видишь ли, Нони, я сделал это не сразу, нет. Я предложил ему сыграть джигу, а он сказал, что эта штука не может. Потом он сошел с ума и убежал. Там все сошли с ума, капитан! Эй, Томми, покажи бороду! Старуха вырвала ему полбороды, капитан, теперь он ни на что не похож. Эй, Томми! Спрятался, ему стыдно показаться. И вот еще что: поп сюда идет.

Мариетт восклицает:

– Отец!

Хорре удивленно:

– А, это ты? Если она жаловаться пришла, то я доложу тебе, капитан: поп чуть не убил одного матроса. Да и она тоже. Я уже попа велел связать.

– Молчать!

– Я не понимаю, Нони, твоих поступков.

Хаггарт со сдержанным гневом.

– Я велю заковать тебя в цепи! Молчать!

С возрастающим гневом:

– Ты смеешь мне возражать, гадина! Ты...

Мариетт предостерегает:

– Гарт! Отца привели.

Несколько матросов вводят связанного аббата.

Одежда на нем в беспорядке, лицо расстроено и бледно. С некоторым удивлением взглядывает на дочь и опускает глаза. Вздыхает.

– Развяжите его! – *говорит Мариетт.*

Хаггарт сдержанно поправляет ее:

– Здесь только я приказываю, Мариетт. Хорре, развяжи.

Хорре распутывает узлы. Молчание.

Аббат. Здравствуй, Хаггарт.

Хаггарт. Здравствуй, аббат.

Аббат. Хорошую же ночь устроил ты, Хаггарт!

Хаггарт говорит сдержанно.

– Мне неприятно тебя видеть – зачем ты пришел сюда? Иди домой, поп, тебя никто не тронет. Лови рыбу... и что ты еще делал? – ах, да: выдумывай молитвы. А мы идем в океан; твоя дочь, знаешь ли, также идет со мною. Видишь корабль? – это мой. Жаль, что ты не понимаешь в кораблях – ты засмеялся бы от

радости, увидев такой прекрасный корабль... Отчего он молчит, Мариетт? Скажи ему ты.

Аббат. Молитвы? А на каком языке? Или ты открыл еще новый язык, на котором молитвы доходят до Бога? Ах, Хаггарт, Хаггарт.

Плачет, закрыв лицо руками. Хаггарт тревожно:
– Ты плачешь, аббат?

Мариетт. Смотри, Гарт, он плачет. Отец никогда не плакал. Мне страшно, Гарт.

Аббат перестает плакать. Густо сопнув, он крикает, вздыхает и говорит:

– Я не знаю, как тебя зовут: Хаггарт или дьявол или как-нибудь еще: я пришел к тебе с просьбой. Слышишь ты, разбойник, с просьбой. Да не вели твоей команде скалить зубы: я этого не люблю.

Хаггарт угрюмо:

– Иди домой, поп! Мариетт остается со мною.

– Ну, и пусть остается с тобою. Мне ее не нужно, а если тебе нужна – возьми. Возьми, Хаггарт. Но только...

Становится на колени. Ропот удивления. Мариетт испуганно делает шаг к отцу:

– Отец! Ты стоишь на коленях!

Аббат. Разбойник! Отдай ты нам эти деньги. Ты награбишь себе еще, а эти деньги отдай ты, пожалуйста, нам. Ты еще молод, ты еще награбишь...

Хаггарт. Ты с ума сошел! Ну, уж и человек – он дьявола самого доведет до отчаяния. Послушай, поп, я кричу тебе: ты просто сошел с ума!

Аббат *(на коленях)*. Может быть, и сошел, ей-богу, не знаю. Разбойничек, миленький, ну, чего тебе это стоит: отдай ты нам эти деньги. Мне жалко их, подлецов! Ведь они так радовались, подлецы: они расцвели как старый терн, у которого оставались одни только колючки, да ободранная кожа. Ну, и грешники они: так разве ж я Бога о них прошу: я тебя прошу. Разбойничек миленький...

Мариетт смотрит то на Хаггарта, то на отца. Хаггарт колеблется. Аббат бормочет:

– Хочешь, чтобы я сыном тебя, разбойника, называл? Ну, изволь... сын... все равно я тебя больше не увижу. Все равно! Как старый терн они расцвели – ах, Господи, эти подлецы-то, эти старые подлецы!

Хаггарт угрюмо:

– Нет.

– Ну, так ты дьявол, вот ты кто. Ты дьявол, – *бормочет аббат, тяжело вставая с колен.*

Злобно скалит зубы Хаггарт:

– Дьяволу хочешь продать душу, да? Эй, аббат, – а что дьявол всегда платит фальшивыми деньгами, этого еще не знаешь. Дай факел, матрос!

Выхватывает факел и высоко поднимает над го-

ловую – огнем и дымом одевает свое страшное лицо:

– Смотри, вот я. Видишь? Теперь попроси еще, если смеешь.

Бросает факел. Что пригрезилось аббату в этой стране, полной чудовищных снов? Но с ужасом, дрожа всем толстым телом, бессильно отталкиваясь руками – отступает он назад. Поворачивается: видит блеск металла, темные и страшные лица, слышит злобный плеск воды и закрывает голову руками, уходит поспешно. Выскакивает Хорре и ножом бьет его в спину.

– За что ты? – хватает аббат ударившую руку.

– А так, ни за что!

Аббат падает и умирает.

– За что ты? – вскрикивает Мариетт.

– За что ты? – гремит Хаггарт.

И устами Хорре, идя из неведомых глубин, отвечает чужой странный голос:

– Ты велел.

Оглядывается Хаггарт и видит: суровые и хмурые лица, тревожный блеск металла, неподвижный труп; слышит загадочно веселый плеск волны. И с мгновенным ужасом хватается за голову.

– Кто велел? Это море шумело. Я не хотел его убивать – нет, нет!

Мрачные голоса:

– Ты приказал. Мы слышали. Ты приказал.

Хаггарт слушает, подняв голову – и вдруг хохочет громко:

– Ах, дьяволы! Дьяволы! Так вы думаете: для того у меня два уха, чтобы мне лгали в каждое?

– На, кольни, гадина.

Бросает Хорре на землю.

– На веревку! Я сам бы раздавил твою ядовитую голову – но пусть это сделают те. Ах, дьяволы, дьяволы! На веревку.

Хорре грубо хнычет.

– Это меня, капитан? Я был твоей нянькой, Нони.

– Молчи, гадина!

– Это я-то, Нони? Твоя нянька? Ты визжал как поросенок в камбузе – ты забыл, Нони? – *жалобно бормочет матрос.*

– Эй! – *грозно кричит Хаггарт в угрюмые ряды:*

– Взять!

Подходят несколько человек. Хорре встает:

– Ну, уж если меня, твою няньку – так ты совсем выздоровел, Нони! Эй, слушать капитана! Взять! Ты у меня наплачешься, Томми. Ты у меня всегда зачинщик!

Угрюмый смех. Несколько матросов под тяжелым взглядом Хаггарта окружают Хорре. Недовольный

голос:

– Здесь и вешать негде. Тут и дерева ни одного нет.

– Подождать до корабля! Пусть честно умрет на рее.

– Я знаю тут дерево, но только не скажу, – *хрипит Хорре*. – Ищите сами! Ну, и удивил же ты меня, Нони. Как закричишь: на веревку! Совсем как твой отец, он тоже чуть не повесил меня. Прощай, Нони – теперь я понимаю твои поступки. Эй, джину – и на веревку!

Хорре уводят.

Никто не смеет подойти к Хаггарту: все еще гневный, он шагает взад и вперед крупными шагами. Останавливается, взглядывает коротко на труп и снова шагает. Зовет:

– Флерио. Ты слышал, чтобы я приказывал убить этого?

– Нет, капитан.

– Ступай.

Снова шагает и снова зовет:

– Флерио. Ты слышал когда-нибудь, чтобы море лгло?

– Нет.

– Если не найдут дерева, прикажи удушить руками.

Шагает. Мариетт тихо смеется.

– Кто смеется? – *гневно спрашивает Хаггарт.*

– Я, – *отвечает Мариетт.* – Я думаю, как его ве-

шают, и смеюсь. О, Хаггарт, о, благородный мой Хаггарт! Твой гнев – Божий гнев, ты это знаешь? Нет. Ты смешной, ты милый, ты страшный Хаггарт, но я тебя не боюсь. Дай руку, Гарт, пожми мне крепко, крепко. Вот сильная рука!

– Флерио, мой друг. Ты слыхала, что он сказал? Он говорит, что море никогда не лжет.

– Ты сильный и ты справедливый – я была безумна, когда я боялась твоей силы. Гарт, можно мне крикнуть морю: Хаггарт справедливый!

– Это неправда. Молчи, Мариетт, тебя дурманит кровь. Я не знаю, что такое справедливость.

– А кто же знает? Ты, ты Хаггарт. Ты божья справедливость, Хаггарт. Это правда, что он был твоей нянькой? О, я знаю, что такое нянька: она кормит, учит ходить, ее любишь, как мать. Не правда ли, Гарт – ее любишь, как мать? Ну, так вот же – на веревку Хорре!

Тихо смеется.

В той стороне, куда повели Хорре, слышится громкий, раскатистый хохот. Хаггарт в недоумении останавливается.

– Что там такое?

– Это дьявол встречает его душу, – *говорит Мариетт.*

– Нет. Пусты мою руку! Эй, кто там?

Надвигается толпа: смеющиеся лица, оскален-

ные зубы – но, увидев капитана, становятся серьезны. Голоса повторяют одно и то же имя:

– Хорре! Хорре! Хорре!

И сам показывается Хорре: взъерошенный, помятый, но счастливый: оборвалась веревка. Сдвинув брови, молча ожидает его Хаггарт.

– Веревка оборвалась, Нони, – скромно, но с достоинством хрипит Хорре. – Вот и концы. Эй, вы там: тише! Смеяться тут нечего. Стали меня вешать, а веревка-то и оборвалась, Нони.

Хаггарт смотрит на его старое, пьяное, испуганно-счастливое лицо – и хохочет, как безумный. И таким же хохотом, подобно реву, отвечают ему матросы. Весело пляшут на волнах отраженные огни – словно и они смеются со всеми.

– Нет, ты посмотри, Мариетт, какая у него рожа, – задыхается от смеха Хаггарт. – Ты счастлив, да? Да говори же: ты счастлив? Посмотри, Мариетт, какая у него счастливая рожа! Оборвалась веревка – это сказано сильно, это еще сильнее, чем я сказал: на веревку. Кто сказал, ты не знаешь Хорре? Но ты совсем одурел и ты ничего не знаешь – ну, не знай, не знай! Эй, дайте ему джину. Я рад, очень рад, что ты еще не совсем покончил с джином. Пей, Хорре!

Голоса:

– Джину.

– Ой, боцман хочет пить! Джину!

Хорре с достоинством пьет. Смех, крики поощрения. И сразу все смолкает и воцаряется угрюмое молчание – все погасил чужой женской голос, такой чужой и незнакомый, как будто не сама Мариетт – а другой кто-то говорит ее устами:

– Хаггарт! Ты помиловал его, Хаггарт?

Некоторые взглядывают на труп: те, кто стоит ближе, отходят. Хаггарт спрашивает удивленно:

– Это чей голос? А, это ты, Мариетт? Как странно: я не узнал твоего голоса.

– Ты помиловал его, Хаггарт?

– Ты же слыхала: веревка оборвалась.

– Нет, скажи: это ты помиловал убийцу? Я хочу слышать твой голос, Хаггарт.

Угрожающий голос из толпы:

– Вевка оборвалась. Кто еще разговаривает тут? Вевка оборвалась.

– Тише! – *кричит Хаггарт, но в голосе его нет прежней повелительности.* – Убрать их всех! Боцман, свисти всех на корабль. Время! Флерио! прикажи готовить шлюпки.

– Есть. Есть.

Хорре свистит. Неохотно расходятся матросы, и тот же угрожающий голос звучит откуда-то из темной глубины:

– Я думал сперва, что это мертвец заговорил. Но и ему бы я ответил: лежи! Веревка оборвалась.

Другой голос отвечает:

– Не ворчи. У Хорре есть заступники и посильнее тебя.

Хорре. Разболтались, черти! Молчать. Это ты, Томми? Я тебя знаю, ты всегда первый зачинщик...

Хаггарт. Идем же, Мариетт! Дай мне маленького Нони, я сам хочу отнести его на борт. Да идем же, Мариетт.

Мариетт. Куда, Хаггарт?

Хаггарт. Эй, Мариетт! Сны кончились. Мне не нравится твой голос, женщина – когда ты успела подменить его. Что же это за страна фокусников, я еще никогда не видел такой страны.

Мариетт. Эй, Хаггарт! Сны кончились. И мне также не нравится твой голос – несчастный Хаггарт! Но может быть, я еще сплю – тогда разбуди меня. Поклянись, что это ты так сказал, Хаггарт: веревка оборвалась. Поклянись, что мои глаза не ослепли и видят живого Хорре. Поклянись, что это твоя рука, несчастный Хаггарт!

Молчанье. И громче голос моря веселый плеск, и зов, и обещание грозной ласки.

– Клянусь.

Молчание. Подходит Хорре и Флерю.

Флерио. Все готово, капитан!

Хорре. Тебя ждут, Нони. Иди скорее! Они сегодня хотят бражничать, Нони. Только вот что скажу я тебе, Нони, они...

Хаггарт. Ты что-то сказал, Флерио? Да, да, все готово. Я сейчас иду. Кажется, у меня еще не все кончено с землею – это такая удивительная страна, Флерио: в ней сны впиваются в человека, как колючки терна и держат его. Надобно разорвать одежду, и, пожалуй, немного и тело. Ты что говоришь, Мариетт?

Мариетт. Ты не хочешь ли поцеловать маленького Нони? Никогда больше ты не поцелуешь его.

– Нет, не хочу.

Молчание.

– Ты пойдешь один, Хаггарт.

– Да, я пойду один.

– Ты плакал когда-нибудь, Хаггарт?

– Нет.

– Кто же плачет теперь? Я слышу: кто-то плачет горько.

– Это неправда, это только море шумит.

– О, Хаггарт! О какой великой печали говорит этот голос?

– Молчи, Мариетт. Это море шумит.

Молчание.

– Уже все кончилось, Хаггарт?

– Все кончилось, Мариетт...

Мариетт, умоляя:

– Гарт! Одно только движение руки! Вот здесь против сердца... Гарт!

– Нет. Пусти меня.

– Одно только движение руки. Вот твой нож. Гарт, пощади же меня, убей своей рукою. Одно только движение руки... Гарт!

– Пусти. Отдай нож!

– Гарт! Я благословлю тебя! Одно движение руки... Гарт!

Хаггарт вырывается, отталкивает женщину.

– Так нет же! Или ты не знаешь, что одному движению руки так же трудно совершиться, как солнцу сдвинуться с неба? Прощай, Мариетт!

– Ты уходишь?

– Да, ухожу. Ухожу, Мариетт – вот как это звучит.

– Я прокляну тебя, Хаггарт. Ты знаешь ли это: ведь я прокляну тебя, Хаггарт. И маленький Нони проклянет тебя, Хаггарт. Хаггарт!

Хаггарт кричит весело и резко:

– Эй, Хорре. Ты, Флерио, мой старый друг. Стань сюда, дай твою руку – о, какая крепкая рука! Ты что дергаешь меня за рукав, Хорре? – у тебя такая смешная рожа. Я так и вижу, как лопнула веревка и ты, словно мешок... Флерио, старый друг, мне хочется

сказать что-нибудь смешное, но я забыл, как оно говорится. Как оно говорится, да напомни же, Флерио! Чего тебе надо, матрос?

Хорре хрипло шепчет.

– Нони, будь осторожен. Веревка-то оборвалась неспроста, они нарочно дали плохую веревку. Тебе изменяют! Будь осторожен, Нони. Бей их в лоб, Нони.

Хаггарт хохочет.

– Вот ты и сказал смешное. А я? Ну, слушай, Флерио, старый друг. Вот эта женщина, что стоит и смотрит... Нет, это не будет смешно!

Делает шаг вперед.

– Помнишь, Хорре, как славно молился этот? За что он убит, он так славно молился. Но он не знал еще одной молитвы – вот этой: К тебе несу я мою великую бессмертную печаль; к тебе иду я, отец-океан!

И далекий отвечает голос, печальный и важный.

– О, Хаггарт, милый мой Хаггарт.

Но может быть, то волны прошумели – кто знает. Много печальных и странных снов посещают человека на земле.

– На борт! – весело кричит Хаггарт и идет не оглядываясь. Внизу веселый гул голосов, смех. Скрежещут камешки под твердою ногою – уходит Хаггарт.

– Хаггарт!

Идет, не оглядываясь.

– Хаггарт!

Ушел.

Веселые крики: приветствуют Хаггарта матросы. Поют и уходят в темноту – все дальше, все тише. А на берегу догорают брошенные факелы, освещающая труп, и мечется женщина. Легкими шагами перебегает она с места на место, наклоняется над обрывом. Выползает сумасшедший Дан.

– Это ты, Дан? Ты слышишь: они поют, Дан? Хаггарт ушел.

– Я ждал, пока они уйдут. Вот еще одна. Я собираю трубки от органа. Вот и еще одна.

– Будь ты проклят, Дан!

– Ого? И ты тоже, Мариетт: будь проклята!

Мариетт схватывает ребенка и высоко поднимает его. Зовет дико:

– Хаггарт, оглянись! Да, оглянись же, Хаггарт! Тебя зовет Нони. Он хочет проклясть тебя, Хаггарт. Оглянись! Смотри, Нони, смотри – это твой отец. Запомни его, Нони. И когда вырастешь, обойди все моря и найди его, Нони. И когда ты найдешь его – высоко на рею вздерни твоего отца, мой маленький...

Гром салюта заглушает ее крик. – Хаггарт вступил на свой корабль. Чернеет ночь и плеск волны стихает: уходит с отливом океан. Безгласна вели-

*кая пустыня неба и ночь чернеет и затихает плеск
волны.*